18+

Виктория Ближевская

СПОКОЙНЫХ ДНЕЙ НЕ БУДЕТ

Книга III

Время любить

Виктория Ближевская

Спокойных дней не будет. Книга III. Время любить

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23142669
ISBN 9785448381911

Аннотация

Илья и Соня уверены, что должны быть вместе. Но пока он ищет способ исполнить обещание, Соня неосторожно попадает в романтические сети. Арсений, который пытается украсть ее сердце, молод, хорош собой и представляет серьезную угрозу для Ильи. Потерявшая голову Соня совершает ошибки, теряет близких и наживает врагов. Но Илья не сдается, и прямо накануне свадьбы Соне предстоит выбрать свою судьбу. Потому что даже из самого запутанного лабиринта чувств есть только один выход. И этот выход – любовь.

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Почти случайная встреча 35
Глава 2. Дело техники 61
Глава 3. В поисках себя 86
Глава 4. Утро в зверинце 114
Конец ознакомительного фрагмента. 125

Спокойных дней не будет
Книга III. Время любить

Виктория Ближевская

Дизайнер обложки Екатерина Глейзер

© Виктория Ближевская, 2017
© Екатерина Глейзер, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-8191-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Софья Ильинична, мне надо с тобой поговорить!

Кирилл Рыжиков назвал коллегу полным именем, что было само по себе необычно, и заговорщицки понизил голос, косясь на любопытных соседей по кабинету.

– Говори, – отозвалась погруженная в почту Соня и отправила очередное электронное письмо в корзину. – Ну, сколько можно писать одно и то же!

– Мне надо без свидетелей, – проигнорировав крик ее души, попросил Кирилл.

– Кир, давай твои проблемы решим позже.

– Это не мои, а твои, – возразил Кирилл и доверительно тронул ее за плечо. – Пойдем к Саше, пока его нет.

– Говори здесь, у меня нет времени на конспирацию.

Она окинула его недоумевающим взглядом и снова уткнулась в монитор.

– Я хочу тебе кое-что показать…

– В Сашином кабинете? Очень смешно! Твое кое-что меня не интересует.

– Мое кое-что в рекламе не нуждается, – вспыхнул оскорбленный в лучших чувствах Кирилл. – А вот твое кое-что сейчас видно из Сашиного окна, как на ладони.

– Во время авралов меня не интересуют машины, облака, птички и даже дворники.

– И даже гениальные сыщики, которые за тобой следят?

– Смешно, угу.

Она все еще не вслушивалась в его слова, безжалостно сортируя сообщения электронной почты.

– А заметно, что я смеюсь? – обозленным тоном спросил Кирилл, и на этот раз Соня встряхнулась и взглянула на него с неподдельным интересом.

– И это странно. Обычно ты не бываешь серьезным.

– Наконец-то до тебя стало доходить. Пойдем, ты должна это увидеть сама.

Они зашли в кабинет директора по персоналу, провожаемые заинтересованными взглядами сотрудников. Кирилл плотно закрыл стеклянную дверь и подвел женщину за локоть к окну.

– Видишь серый рено? Он пасет тебя всю неделю.

– В каком смысле пасет?

– Водителей двое, они сменяются через день и фотографируют тебя профессиональной техникой утром, вечером и всякий раз, как ты оказываешься во дворе.

– У тебя разыгралась мания преследования.

– Или твой муж нанял частного детектива.

– Кирюша, мой муж – наполовину растение. Он с трудом может объяснить сиделке, что ему надо в туалет.

– Значит, любовник, – не сдавался конспиратор.

– У меня нет любовника, – помедлив, неуверенно ответила Соня.

– Значит, бывший любовник. Или будущая жена бывшего любовника. Или федералы. Или Моссад. Или даже сомалийские пираты. Но уже неделю за тобой таскается хвост.

– Давай попробуем рассуждать здраво, – помолчав, сказала Соня дрогнувшим голосом, под влиянием внезапной догадки теряя способность к логическому мышлению. – Ну, машина. Ну, торчит под окнами неделю. При чем тут я?

– А вот это как раз мы без труда проверим, – оживился авантюрно настроенный коллега и осклабился. – У меня созрел гениальный план.

Кирилл вальяжной походкой мартовского кота добрел до кресла шефа, развалился в нем, как хозяин, и указал ей на стул. Соня не без сомнений согласилась потратить пять минут, чтобы выслушать его очередную бредовую идею. Но план оказался коротким, как медвежий хвост, и, вняв не вполне обоснованным, но весьма эмоциональным доводам коллеги, Соня согласилась сыграть маленькую роль второго плана.

В обеденный перерыв они вдвоем вышли из здания и направились к воротам, за которыми их пути разошлись. Соня стремительно взяла курс направо, будто опаздывала на свидание, а Кирилл, направился прямиком к месту засады рено. Увидев торопящуюся Соню, водитель занервничал, вывалился из автомобиля и резвым галопом поскакал вслед за объектом наблюдения, придерживая висящий на шее фотоаппарат. Едва Соня и ее преследователь скрылись за уг-

лом, Кирилл заглянул в окно машины, где на сиденье лежала черная глянцевая папка. Всего несколько секунд и стальная линейка понадобились тому, кто с детства возился с автомобилями, чтобы папка перекочевала в его умелые руки. Рено, правда, заорал, как потерпевший, но Кирилл без страха захлопнул дверь, полагая, что работающей сигнализацией в наше время никого не удивишь, и неторопливо отправился через улицу в офис, сунув папку под полу пиджака и похлопывая линейкой по раскрытой ладони. Уже в подъезде он не сдержал любопытства, удовлетворенным кивком подтвердив свои подозрения, поднялся в кабинет и стал ждать возвращения Сони. Минут через пятнадцать, потаскав за собой преследователя по переулкам, как матерый заяц неопытную гончую, она вошла в кабинет. Коллега приподнял за уголок улику и потряс ею в воздухе. Соня в несколько шагов преодолела разделяющее их расстояние и протянула руку к документам.

– Вот твоя удачная фотосессия и вчерашний письменный отчет к ней.

Она всматривалась в свое улыбающееся лицо, словно видела его впервые, все еще не в силах поверить в реальность происходящего. А когда заговорила, от металлических ноток в ее обычно мягком голосе по спине Кирилла побежали неприятные мурашки.

– Будь добр, передай Саше, что мне срочно пришлось уехать.

– Но, Соня, давай хотя бы обсудим, – запоздало попытался возразить Кирилл и вздохнул в ее удаляющуюся спину.

Бирюзовый мерседес как в голливудском боевике вылетел с офисной стоянки, едва притормозив на повороте, и Соня в зеркало заднего вида увидела, как рено пытается успеть за удаляющимся объектом наблюдения. Проторчав полчаса в пробках, она добралась до офиса брата, посигналила у шлагбаума и, узнанная охраной, проехала во внутренний двор. Машина Ильи стояла возле подъезда, готовая стартовать в любую минуту, а полковник Тихонов курил на ступенях, ожидая выхода шефа. При виде давнего врага Соня усилием воли вызвала в себе чувства, похожие на праведный гнев и, вместо того, чтобы ехать на отведенное место парковки, перекрыла хозяйскому мерседесу дорогу. Не выключая двигатель, она вышла с черной папкой в руке, и, проигнорировав недвусмысленные знаки охранников, взбежала по лестнице. Павел стоял лицом к зданию, и ей пришлось поднялась на две ступеньки выше, чтобы оказаться в поле его зрения.

– Это твоих рук дело, вояка?

Без приветствия Соня распахнула перед ним папку и с удовлетворением увидела, что не ошиблась. Всегда непроницаемое лицо личного телохранителя Ильи на миг исказилось удивлением и вновь застыло.

– Откуда у тебя?..

– И как давно за мной шпионят твои ищейки?

– Я не уполномочен обсуждать с тобой…

– То есть распоряжение поступило с самого верха?

Сотрудники службы безопасности здания приблизились, и один из них попросил молодую женщину убрать машину, но Павел сделал предупреждающий жест, и оба отступили в ожидании дальнейших указаний.

– И что мы будем делать с этим дерьмом, Тихонов? – поинтересовалась Соня, перебирая страницы с заметками и фотографии. – Я тебя просила забыть о моем существовании. А ты, чертов извращенец, поощряешь в нем все самое худшее…

– Поговорите с братом, – бесстрастно заметил Павел, окончательно взяв под контроль выражение лица.

– Вот и поговорю, дружок, еще как поговорю!

– Софья! – Он понизил голос, стараясь не дать повод к сплетням. – Он скоро выйдет. Поднимись в офис. Ты знаешь, что публичные разборки добром не кончатся.

– Ты мне угрожаешь?

Она окатила своего тайного обожателя волной презрения. Вернувшись к машине брата, Соня уселась на капот, по сияющей поверхности которого проплывали облака, и помахала изумленному водителю. Повел подошел ближе.

– Отдай мне папку и уезжай. Я все улажу и сниму наблюдение.

– И не подумаю. Провалили секретную операцию, так имейте мужество ответить за свои действия, товарищ пол-

ковник.

Он не мог отвести глаз от высокой границы ее юбки, обнажившей стройные ноги гораздо выше колен, и, заметив его остановившийся взгляд, она провокационно положила ногу на ногу и принялась покачивать узкой туфлей, грозящей соскользнуть на дорогу. У него сделалось лицо, как у заключенного одиночной камеры в бразильской тюрьме, наблюдающего сквозь зарешеченное окошко оглушительный разгул и многоцветье карнавального шествия и знающего, что впереди его ожидают годы и десятилетия поста.

– Соня, не дури! – наконец, не выдержал он и подхватил ее под локоть, но она вырвала руку и зашипела, как разъяренная кошка.

– Только тронь меня еще раз, плебей!

Охранники, наблюдающие конфликт со стороны, переглянулись, не зная, что предпринять. В этот момент в сопровождении обычной многочисленной свиты, пытающейся на ходу подсунуть под подпись документ, донести мысль, получить последние распоряжения, из офиса вышел Илья Билецкий. Он невозмутимо осмотрел сидящую Соню, потом перевел вопросительный взгляд на Павла, и снова вернул его к сестре.

– Чем обязан высокому визиту?

– Это ты мне скажи, чем я обязана! – елейным голосом протянула она и бросила на капот открытую папку.

Фотографии веером разлетелись по блестящему лаку, как

игральные карты, часть их оказалась на стекле, некоторые устремились под колеса. Илья и бровью не повел, только чуть наклонил голову, заняв внутреннюю оборону.

– Хочешь похвастаться удачными снимками? Вот этот мне определенно нравится. Можно попросить автограф?

Она фыркнула и поджала губы. Он сгреб с капота несколько фотографий и одну, с улыбающейся сестрой, сунул во внутренний карман пиджака, а остальные бросил обратно.

– Только эта? Они же все оплачены тобой, братец.

– Все, что есть у тебя, Соня, оплачено мной, – бесстрастно согласился он. – Да и ты сама…

– Как тебя понимать?

– А что в моих словах показалось тебе новым?

– Я не о твоем всеобъемлющем чувстве собственника, – поддела его Соня. – А о нанятых болванах, которые таскаются за мной в ожидании скандала.

Прежде, чем ответить, Илья сделал недвусмысленный жест, и охранники вместе с Павлом мгновенно оказались вне зоны слышимости. Соня поднялась с капота и одернула юбку, а Илья придвинулся к сестре, нарушив ее личное пространство ровно настолько, чтобы они оба почувствовали, что добровольная двухмесячная разлука оказалась не в состоянии загасить пожар их желаний.

– Сначала я получу ответы на свои вопросы.

– Если бы ты задавал вопросы. Вместо этого ты устроил за мной слежку, как будто я… Как будто…

Она почему-то не нашла подходящих слов, но он продолжил фразу за нее, не отводя прищуренных глаз.

– Как будто ты моя женщина, на которую покушается каждый, кому не лень.

– Кто дал тебе право?.. – взвилась Соня, чувствуя, что желание дотронуться до него готово перечеркнуть каждое сказанное ею слово. – Нет, даже не так… Что дало тебе основание думать, будто я совершаю поступки, требующие тотального контроля?

– Ты сама и вся твоя жизнь.

– А ты не мой муж, и у тебя нет права предъявлять мне хоть какие-то претензии.

– Не муж, – многозначительно согласился он и еще сократил расстояние между ними. – И я хотел убедиться, что ты не лжешь мне, как мужу.

– Моих слов тебе не достаточно? Нужен короткий поводок и инструктор к нему?

Когда она прибегала к подобного рода сравнениям, у него возникало почти неодолимое желание пустить в ход другие, гораздо более жесткие аргументы. Но он вовремя включил внутреннюю защиту от перегрева и отступил в прямом и переносном смысле.

– Соня, мне сейчас некогда. Позвони, мы встретимся и все обсудим в другой обстановке. Публичных скандалов нам с тобой не нужно.

– Мне вообще от тебя ничего не нужно! – с вызовом вы-

крикнула она, и охранники напряженно сгорбились и сделали вид, что не услышали. – Я не стану обсуждать с тобой целесообразность слежки, не собираюсь разговаривать о моем поведении, вообще не желаю общаться на таких условиях.

– Как скажешь, – на редкость покладистым тоном согласился мужчина и сильнее стиснул кулаки в карманах пальто. – А теперь отгони машину и дай мне проехать.

Но вместо того, чтобы выполнить приказ, она сама нарушила границы и подошла к Илье вплотную, держа в руках похудевшую папку, позволившую им встретиться спустя два месяца после ужасной ночи, когда Николая с инсультом забрали в интенсивную терапию.

– Илюша, разве ты не понимаешь, что сам все портишь? Что моя любовь не может вписываться в такие рамки?

– Твоя любовь? Что-то не слишком ты баловала меня любовью в последнее время, – усмехнулся он.

– И ты, конечно, забыл, почему это произошло.

– Я провинился, потому что остался той ночью?

– Ты был ужасен.

– Речь о сексе?

– О твоем поведении, естественно.

– Но секс тебе понравился?

– Не все определяется в постели, – лицемерно вздохнула соблазнительница. – Мы чуть не убили его.

– Ну, не убили же, – хмыкнул Илья.

– Ты не смеешь быть таким… Таким беспринципным чу-

довищем!

– Уйди, Соня, – попросил давно лишенный близости любовник, закипая гневом. – Не вынуждай меня…

– Хочешь ударить меня?

– Хочешь меня спровоцировать?

– Чего ты добиваешься этой слежкой?

– Мне нужно знать, что ты не ударилась во все тяжкие.

– Боже, я не могу сначала! – простонала Соня и первая пошла на мировую. – Мы ходим по кругу, но я готова простить тебя, если ты сейчас же уберешь этих псов с объективом.

– Я решу, когда мне снять наблюдение.

– Тогда не удивляйся, что и я много чего решу сама! – снова вспылила она, удивляясь его необоснованному упрямству.

– Ты все еще в моей власти.

– Посмотрим, – бросила она с обворожительной улыбкой и, соблазнительно покачивая бедрами, вернулась в тихо урчащую машину под его полыхающим похотью взглядом.

Павел собирал рассыпанные по земле фотографии, пока Сонин автомобиль, вспыхивая стоп-сигналами, выезжал с парковки. Прямо за воротами Соня заметила знакомый рено, вставший на проезжей части с аварийной сигнализацией. Снова перекрыв дорогу мерседесу Ильи, она, не торопясь, вышла из-за руля. Склонившись к открытому окну рено, отчего узкая юбка заманчиво обтянула ее бедра, Соня с презрительной усмешкой бросила ненужную больше папку в от-

крытое окно машины наблюдения.

– Забери свои шедевры, Пинкертон недоделанный. Надеюсь, инстинкт самосохранения у тебя развит лучше, чем рабочие навыки. Потому что если я тебя еще раз увижу, тебе надеяться будет не на кого.

И, не дожидаясь ответа, степенно вернулась на свое место, предварительно оглянувшись на застрявшие сзади машины, и набрала знакомый номер.

– Так что ты хотел мне сказать, любимый?

– Когда мы увидимся? – в свою очередь задал вопрос Илья, проигнорировав ее новую наступательную тактику.

– А когда ты снимешь наблюдение?

– Считай, что уже снял.

– Тогда считай, что мы уже увиделись, – безжалостно усмехнулась она.

– Прошло два месяца, Соня. Я ждал, когда ты соизволишь снизойти до меня. Но в списке твоих дел мой номер даже не тысячный.

– А ты сомневался в каждом моем слове и предпочел унижать меня слежкой.

– Я не собираюсь объяснять мотивы своих поступков и, тем более, оправдываться, – вскипел Илья, понимая, что выглядит жалким.

– Мне не нужны мотивы. Я жду извинений.

– Я не сделал ничего, за что должен извиниться.

Безумие заключалось в том, что он уже и извинялся,

и оправдывался, и чувствовал себя виноватым по всем статьям, а она продолжала гнуть свою линию и насмехаться над ним.

– В соответствии с твоей моралью – так и есть, – промурлыкала довольная Соня. – Но если ты будешь стоять на своем, мы не договоримся.

– Я и не собирался с тобой договариваться! – возмутился вконец обозленный Илья. – Что мне сделать, чтобы тебя вернуть?

– Вернуть? – с наигранным недоверием протянула она, едва сдерживая счастливый смех. – Ты опять меня не слышишь, милый. У меня есть два условия для продолжения отношений: ты снимешь наблюдение и извинишься за свою бестактную выходку. В противном случае мы не сдвинемся с места.

– Ты забываешь, что условия в нашей игре диктую я!

– А разве мы с тобой во что-то играем? – Она изобразила максимум непонимания на своем лице, и довольная эффектом, подмигнула себе в зеркало. – Ты просто не получишь того, чего добиваешься.

Ему не надо было быть рядом, чтобы представить ее нахмуренные брови и поджатые в обиде губы. Как назло Павел обернулся и посмотрел на шефа, ожидая, когда завершится эта непристойная торговля, в который тот явно проигрывал вышедшей из повиновения девчонке.

– А чего я, по-твоему, добиваюсь, Софья?

– Меня, мой единственный, исключительно меня! – Она дала волю истинным чувствам и злорадно заулыбалась, представив, в каком бешенстве он слушает это самоуверенное утверждение. – Чем больше ты делаешь подобных глупостей, тем меньше у тебя остается меня.

Илья задержал дыхание, избавляясь от воспоминаний. «Кто еще смеет сказать мне, что я делаю глупости! А ведь права, мерзавка, еще как делаю. Из-за нее одной». В последний раз на белом пледе в ее спальне он пробыл с ней до самого утра. А когда в десять пунктуальный Павел, уставший от ожидания, отчитался, что машина давно под окнами, и Соня опять завела шарманку, что надо ехать к мужу в больницу, он выпустил ее из постели, взяв обещание, что через пару дней они увидятся снова.

– Продолжай, – прохрипел он, пытаясь избавиться от соблазнительной картинки, услужливо подкинутой воображением.

– И однажды меня у тебя совсем не станет, а ты без меня уже не сможешь.

«Не смогу, Сонька. Уже не могу!» Обещание она не сдержала. И, как когда-то, отговаривалась работой, визитами в больницу к мужу, ангиной дочери, усталостью, месячными, сервисным обслуживанием машины, помощью Насте в составлении презентации и чьим-то чертовым юбилеем. Он ревновал ее к каждой отговорке, а юбиляру вслух пожелал такой мучительной смерти, какую только придумало челове-

чество за века истязаний себе подобных. Но даже эта несправедливость не растопила ее сердце, и два долгих месяца тянулись, как жизнь в камере смертников в ожидании исполнения приговора.

– Так что решай: либо у меня есть свобода любить тебя так, как я умею и хочу, либо есть твой жесткий контроль и мое желание избежать его, в котором я буду совершенствоваться день ото дня, – без зазрения совести развлекалась женщина.

«Это так ты предупреждаешь меня, что будешь гулять? Ты смеешь угрожать мне?» Чем он провинился в этом мире, что попал в рабство к бесстыжей манипуляторше, которая жонглировала его чувствами, как огненными факелами, не боясь обжечься? Мысль о потенциальном сопернике заставила его зарычать от ярости, и забавляющаяся Соня не ошиблась в природе этого звука.

– Ни один твой сыщик не поможет вернуть меня, если мы зайдем слишком далеко. Подумай над этим хорошенько.

Когда она завершила звонок и улыбнулась себе от души в зеркало заднего обзора, Илья сунул телефон в карман и обвел знакомый пейзаж за стеклом налитыми кровью глазами.

– Чертова кукла!

– Отменить наблюдение? – уточнил внимательный Павел и первым стал объектом для эмоционального срыва шефа.

– Ты что, не мог выбрать людей с мозгами, а не придурков, которые не в состоянии сохранить в неприкосновенно-

сти документы?!

– Я еще не в курсе, как это случилось.

– Да плевать мне, как это случилось! – орал побагровевший шеф. – Я не собирался посвящать ее в мои планы! А теперь она будет шантажировать меня этой наружкой!

– Я сниму наблюдение, – сухо отреагировал Павел, не собираясь оправдываться.

– Вот еще! – молниеносно отреагировал Илья. – Пусть поживет под надзором, ей это не повредит.

– Если она будет знать, что за ней наблюдают, то станет внимательнее.

– А ты думал, я хочу, чтобы она по рукам пошла? – хмыкнул слегка успокоившийся шеф и развалился на кожаном диване. – Пусть боится! Оглядывается при каждом шаге и помнит, что она под колпаком.

Павел пожал плечами, не разделяя уверенности ее брата, что избалованная Соня станет благоразумнее, но противостоять разъяренному носорогу, несущемуся по прериям, не разбирая дороги, не рискнул бы даже стадо слонов. Илья, прищурившись, смотрел за окно с мрачным выражением, но мысли, бродящие в его голове, были далеки от мести и ненависти.

Его Соня, только его, как подтверждал неудачливый сыщик, была слишком хороша, просто безбожно хороша, чтобы ее ненавидеть. Оказалось, что надо лишь увидеть ее после вынужденной разлуки, чтобы понять, что ничего не про-

шло и никогда уже не пройдет, как ни тешь себя надеждой. Его любовь к ней из легкого недомогания превратилась в тяжелую хроническую болезнь, избавления от которой еще не придумала наука. Требовалось срочно изыскать способ вернуть ее в свою жизнь. Двух месяцев воздержания было более чем достаточно.

А удовлетворенная разыгранным спектаклем Соня вернулась в офис в превосходном расположении духа. Кирилл и Александр Васильевич, как заговорщики, готовящие бомбу для царя, уединились в стеклянном кубе и что-то бурно обсуждали, сдвинув головы и не замечая течения событий в окружающем мире, но стоило ей появиться на рабочем месте, директор по персоналу тут же прервал дискуссию и призывно махнул рукой.

– Уже разболтал? – устыдила она Кирилла, едва глянув на скисшее выражение лица хозяина кабинета.

– Мы тут не сплетничаем, между прочим, а переживаем за тебя, – вскинулся уязвленный Кирилл.

– Дураки вы оба, – сходу объявила она и расположилась в посетительском кресле, вальяжно закинув ногу на ногу и сияя загадочной улыбкой. – Милые, конечно, и славные, даже местами заботливые, но такие дураки!

– Эй, ты осторожнее со словами, а то он тебя уволит! – Кирилл с большим подозрением хмурил брови и пытался понять, что вызвало в ней такой душевный подъем. – Ты убила кого-то?

– Ага, убила и съела! – Она счастливо хохотнула, проигнорировав шутливую угрозу, и поменяла ногу, невольно заставив мужчин посмотреть значительно ниже улыбающихся глаз и губ. – Кое-кого напугала, и поделом болвану, кое-кого неприятно удивила и даже подставила, надеюсь, он сейчас огребает по полной программе, а кое-кого завела и взбесила до крайности. Ну, ничего, это им всем только на пользу. В общем, день удался!

– Давай-ка ты все по порядку, а? – попросил Кирилл, с трудом заставив себя вернуть взгляд к ее сияющему лицу. – Начни с того, где ты была.

– Так я вам все и рассказала!

– Не надо поминутного отчета. Скажи хотя бы, почему твой любовник следит за тобой, – без обиняков спросил Александр Васильевич, отлично зная ответ на этот вопрос.

– Потому что он ревнует, зачем же еще следить?

– И у него есть основания?

– Вообще-то вас обоих это не касается! – Поглядев на их вытянувшиеся лица, она рассмеялась и продолжила, как ни в чем не бывало. – Но, так и быть, я отвечу. Чтобы сходить с ума от ревности, ему не нужны основания. Сам факт моего существования – уже достаточное основание держать меня под контролем и предполагать мою виновность во всех смертных грехах.

– И тебя это не тяготит и не бесит? – от души изумился Кирилл.

– Слегка заводит, – с мечтательным лицом промурлыкала Соня, но вовремя спохватилась. – Но по зрелом размышлении… Хотя нет, вообще без размышлений: не бесит. Скорее, утверждает в мысли, что отношения ровно такие, какими и должны быть. А то мне стало казаться, что я его больше не интересую. – Александр Васильевич смотрел на нее во все глаза и никак не мог понять, шутит она все еще или говорит на полном серьезе. – Но оказалось, что он хитрит и тайно получает информацию из других источников, а я, дурочка, даже не догадывалась.

– Соня, да это вселенская катастрофа, а не любовь! Вся эта слежка, ревность, недоверие, скандалы…

– Все люди разные, Кира. – Соня, похоже, знала об этой жизни что-то такое, что обоим мужчинам было неведомо. – Кому-то нужен тихий омут, кому-то африканские страсти.

– Да уж, тихий омут явно не для тебя, – мрачно констатировал Александр Васильевич и снова опустил взгляд на ее ноги. – И не с тобой.

– Я никому и не обещала легкой жизни! Ну, разобрались в причинах и следствиях, господа психоаналитики? – Она грациозно потянулась, забыв, что помимо двух собеседников за стеклом еще находится куча свидетелей, уперла ладони в колени, намереваясь подняться. – Что лечить меня бесполезно и причитать над моей нелегкой судьбой глупо?

– Поняли, что ты совершенно сумасшедшая, – с легкой завистью сказал Кирилл, и Александр Васильевич принуж-

денно усмехнулся, соглашаясь с его выводами. – То есть безбашенная и непредсказуемая, как олимпийский медведь в небе! Но живи аккуратно, Софья Ильинична. Потому что как только у твоего героя появится основание, а не подозрение для ревности, он тебя убьет, как Рогожин Настасью Филипповну. Или на цепь посадит где-нибудь в Тауэре.

– С чего ты взял, Кирюша, что я дам ему такое основание? Мне сейчас не до того. Муж, дочка. И работой вы меня завалили дальше некуда.

– Ты дашь, – вздохнул утвердившийся в этой мысли Кирилл. – Ты из тех, кто постоянно провоцирует мужчин. Это о таких говорят «chercher la femme»[1]. И ищут их всю жизнь.

– И ты? – заулыбалась коварная Соня. – Да, Кирочка? Ты тоже видишь в женщинах корень зла и все равно не можешь устоять?

– Мыслям не запретишь! – подмигнул Александру Васильевичу жизнерадостный Кирилл, призывая того в свидетели, но шеф не разделял его оптимизма. – На твою царскую персону и без меня претендентов найдется вагон и маленькая тележка.

– Обойдемся без намеков, доктор Фрейд! – огрызнулся директор по персоналу и бросил карательный взгляд в исходящий любопытством аквариум, где тут же забурлила привычная трудовая жизнь.

– Твои подозрения безосновательны, – весело опровергла

---

[1] *Ищите женщину (фр.)*

проницательного коллегу Соня, ввергнув шефа в еще большую тоску. – У меня с окружающими исключительно деловые отношения на работе и чисто дружеские на автостоянке по ее окончании. Других нет и не предвидится. Кстати, по фоткам в отчете это прекрасно видно.

– Так и я о том же. Наши чувства тебя не трогают. Потому и слежка тебе не страшна. А когда найдется кто-то, кто отомстит за наши горести и зацепит тебя, вот тогда будь осторожна, Соня. Твой ревнивец устроит тебе заключительную сцену из Отелло.

– Знаешь, Кирюша, – с глубочайшим убеждением ответила рядовой офис-менеджер среднестатистической московской конторы и поднялась, – чем жить в серости и рутине, лучше ярко вспыхнуть и умереть рядом с сильным мужчиной.

– Красивой женщине эффектно умереть не запретишь! Не меньше, чем в объятиях мавра! Но давай ты перестанешь позерствовать и поживешь нам на радость, а?

– Уговорил! Согласна пожить с ним на радость вам!

Соня расцвела лучезарной улыбкой, вспомнив об обещаниях Ильи.

– Эх, тут уж нам ни запретить, ни разрешить! – почти непритворно вздохнул Кирилл.

– Пойду-ка я поработаю. – Соня поднялась, давая коллегам понять, что разговор окончен. – А то вдруг в кабинетах еще и жучков понаставлено, и наши с вами стратегии пишут-

ся на пленку и снова идут отчетами в черную папочку.

– Не удивлюсь, – вздохнул Александр Васильевич, с тоской глядя, как она, встряхнув отросшими волосами, с достоинством выходит из кабинета и прикрывает за собой дверь, даже не обернувшись. – Ну, что думаешь?

– Любовь, – констатировал Кирилл и провел ребром ладони по шее, утверждая смертельный диагноз. – Как минимум неземная. Нам с тобой, простым смертным, не понять.

– Это я и так вижу, что любовь. То есть мои шансы на нуле?

– Извини за откровенность, шеф, ниже. Гораздо ниже. Ты в глубоком минусе… Не сказать бы определеннее.

– Спасибо, дружище, утешил!

– Да я и сам хотел бы утешить, но поражен до глубины души. Думал, она вернется в слезах и обидах, а тут гордость за этого тирана и леденцовое счастье от уха до уха. Разве их поймешь, этих влюбленных принцесс?

– Куда уж нам, в себе бы разобраться! – буркнул Александр Васильевич, и Кирилл, с неподдельным сочувствием похлопав его по плечу, отправился вслед за Соней впрягаться в рабочий процесс.

Илья открыл дверь запасным ключом, рискуя напугать хозяев несанкционированным вторжением в такую рань. Замок громко щелкнул. Незваный гость замер и огляделся. Обитатели дома спали в полном неведении о присутствии посто-

роннего, и он прямиком направился в Сонину спальню, прислушиваясь к звукам в комнатах. Но в шесть утра за всеми стенами было тихо, и он беспрепятственно преодолел длинный коридор, миновал холл и остановился перед знакомой дверью. Внезапно пришедшая мысль, что она может запираться на ночь, заставила его понервничать на последних метрах, но, нажав на ручку, он оказался внутри комнаты с глухо зашторенными окнами и большой кроватью. Сердце нелепо подпрыгнуло в груди и быстро заколотилось, сбиваясь с ритма, и мужчине пришлось замереть, выравнивая дыхание, как после пробежки. «Да что же я разнервничался-то, как мальчишка!» – упрекнул он себя и сделал несколько шагов.

Женщина спала, обнимая уютного плюшевого медведя, и от этой безмятежной картины незваный гость замер, как в музее перед привезенным шедевром. Золотистый медвежонок с большими карими глазами блаженно смотрел в потолок. Если бы она так сладко обнимала его, он бы тоже смотрел с отрешенно-счастливым лицом, а не топтался у ее кровати, как влюбленный дурак. Соня прижимала игрушку к груди, будто боялась остаться одна, и Илья ощутил острый укол ревности, смешанной с удивительной сентиментальностью, которой раньше он у себя почти не замечал. Ему отчаянно хотелось оказаться на месте мягкой игрушки, и это было так глупо и необъяснимо ни с какой точки зрения, что он с досадой потряс головой, отгоняя странное желание. Ему

вспомнилась ночь, когда он вломился в ее спальню и взял ее силой… Но сейчас обида, с которой он переступил порог ее дома, растаяла, как и не было, и, присев на край кровати, он любовался ее спокойным лицом в рамке черных кудрей.

Однако, времени до отъезда оставалось все меньше, и минуты утекали с безумной скоростью. Илья склонился над женщиной, как много лет назад в Италии, и поцеловал обнаженное плечо, убрал волосы со щеки, тронул губами висок. Она выпустила игрушку и переплела тонкие руки у него на шее, распахнув дымчатые глаза, в которых все еще бродили сны.

– Я уже устала ждать, что ты придешь!

– Ты ждала меня? – с недоверчивой ухмылкой буркнул он, помня о другом имени, которое она произнесла раньше в подобной обстановке.

– Ну, а кого еще я жду от начала мира по сей день?

Тихий воркующий смех рассыпался мягкими шариками по комнате, и она потянула брата к себе за лацканы пиджака. Он столкнул медвежонка на пол и оказался рядом с ней на подушке, в томительном плену ее рук и губ. И пьянящей паутины слов, которой она опутывала его, забыв неурядицы последних недель.

– Почему же ты не звонишь сама, Сонька? – досадуя из-за неоправданной двухмесячной проволочки, укорил Илья, удерживая ее ласкающие руки. – Ты не хочешь меня видеть?

– Разве не ты решаешь, быть нам вместе или порознь? –

заиграла бархатными интонациями Соня.

– Как будто дело не в твоей девической гордости… – проворчал он, попавшись на удочку ее лести.

– Дело в моей женской мудрости, Илюша.

Улыбка не сходила с ее лица, и ему не на что было даже пожаловаться, но брюзгливое настроение не хотело отступать без боя.

– Ты попыталась устроить мне скандал, – напомнил он недавние события и понял, что в ее спальне не может даже рассердиться на это воспоминание.

– Ах, если бы я хотела устроить скандал, любимый, я бы устроила, поверь! А я всего лишь спровоцировала это утро. И если ты готов обижаться на меня за эту маленькую хитрость…

– Сонька, опять ты вертишь мной, как хвост собакой!

– Что ты, милый! Я годами жду и лишь иногда направляю тебя на правильную дорожку, если ты уж очень задерживаешься в пути.

– Что это еще за правильные дорожки! – подозрительно прищурился он. – Не нравятся мне такие игры!

– А я полагаю, что именно такие тебе и нравятся! – Она заговорщицки улыбнулась и прижала его ладонь к своим губам. – И куда больше, чем беспочвенная ревность и идиоты с фотокамерами.

– Однако же иногда я просто схожу с ума, – с мрачным видом признался в своей слабости мужчина. – Ты наважде-

ние, а не женщина!

– Я никогда не давала тебе повода, Илюша!

– Ты сама повод…

– Ты должен больше доверять мне.

– Я сам знаю, что я должен, а что нет, – вдруг рассердился Илья, но поймав ее недоумевающий взгляд, смягчился. – Я сниму наблюдение, если ты пообещаешь…

– Поклянись!

– Сначала ты.

О, сейчас она готова была поклясться ему во всем, что он пожелает! И даже на практике исполнить многое из того, что ему заблагорассудится. И еще наобещать и исполнить то, что ему даже в голову не могло прийти. В его практичную, умную, суровую голову царствующего льва. Она обожала сочинять сказки об иных мирах, в которых они могли бы жить и быть счастливыми. Воплощаться каждый раз в разных телах и эпохах и каждый раз по-разному, но всегда вместе. Но чтобы убедить его в чем-то, увлечь его воображение, заставить верить, нужно было нечто большее, чем просто красивые фантазии и уверения в любви и верности. И каждый раз она изобретала все более изощренные способы, а он, едва выйдя из-под власти ее голоса, скатывался к мелочной подозрительности и сомнениям.

– Посмотри на меня, Илья! – потребовала она на этот раз и приподнялась на локте, удерживая его взгляд потемневшими, как грозовые тучи, зрачками. – Посмотри и признай

хотя бы внутри себя: разве я лгу тебе? Я с тобой всю мою жизнь, без преувеличения всю. С первого дня до этой минуты. Так разве кого-то я могу любить больше, чем тебя?

– Я не знаю, Соня. – Ему не хотелось ни эмоциональных разборок, ни вдумчивых диалогов, ничего, кроме как молча держать ее в объятиях и считать именно эти мгновения своим персональным счастьем. – Если думать еще и об этом, то можно спятить.

– Вот и не думай, не думай! Я твоя, и никто не заменит мне тебя!

Она словно кубарем скатилась с небес, снова принялась целовать его, на этот раз всерьез, и мысль о скором отъезде позорно капитулировала, давая волю желаниям. Он прижал ее голову к своему плечу и вздохнул. Когда она говорила так, когда сияла глазами, он верил, даже если смотрел сердито и отнекивался, даже если заставлял ее обижаться и искать новых доказательств, даже если разум нашептывал ему привычные слова о предательстве и лжи. Ее искренности он не мог противостоять, какие бы логичные аргументы не возникали в его разыгравшемся воображении.

– Ты ведь останешься? – с вкрадчивостью хищника, загнавшего жертву в угол и желающего поиграть перед сытным ужином, спросила она, чутко уловив момент, когда он расслабился и почувствовал себя комфортно. – Я позвоню на работу и возьму выходной.

– Мне пора ехать, – с сожалением встрепенулся он, выйдя

из забытья, и решительно стал выпутываться из ее рук. – Я заскочил буквально на несколько минут, чтобы сказать…

– Мне не нужны извинения, милый, – проворковала она, на удивление крепко прижимая его к подушке. – Просто люби меня и верь мне.

– Я и не собирался извиняться, – пробурчал Илья, задетый, что она так быстро разобралась в его настроении, словно читала мысли.

– И правильно… Тебе не за что!

Она терлась об него и выпускала когти, и его собственное тело категорически воспротивилось попыткам трезвого ума вытащить его из постели.

– Софья! Ты снова играешь со мной.

– Ну, может, самую чуточку, – с наигранной стыдливостью гетеры созналась Соня и, довольная собой, опять замурлыкала под его помрачневшим взглядом. – Давай ты никуда не поедешь… А я напомню тебе, как это бывает, когда мы снова вдвоем и никого больше нет в целом свете. И солнце светит только для нас. И ради этих минут можно отдать полжизни.

– Обе половины моей жизни отданы работе, – отрезал он, от души ненавидя в этот момент свою работу, самолеты, расписания, референтов и иностранных инвесторов, и посмотрел на циферблат. – Пора!

– Воспользуйся одной из моих… А я пока расскажу тебе, что будет чувствовать твое тело, когда ты позволишь мне расстегнуть на тебе рубашку, потом ремень…

– У меня нет времени на болтовню!

Он почти оттолкнул ее, и где-то вдалеке часы мелодично пробили семь утра, в кармане завибрировал телефон, а Соня зашептала:

– Так я и напомню не словами!

– Отпусти!

Но она не сдавалась, и теперь он знал, что чувствует осажденная крепость, готовая вот-вот пасть под ударами противника.

– У меня переговоры в Женеве, Софья. – И когда она отмахнулась от переговоров и от Швейцарии вместе со всей Европой небрежным жестом, вспомнил и ухватился за это спасительное воспоминание: – Я привез тебе безделушку, такую же, как ты, красивую и совершенно бесполезную.

Движимая любопытством, она ослабила хватку, и Илья полез во внутренний карман пиджака, довольный своей шуткой, памятуя, какую сумму отвалил за этот пустячок. Соня горящим взглядом следила за его неторопливыми движениями.

– Вот. Примерь. А то ты вечно опаздываешь.

– Это потому что забываю о времени, думая о тебе, – прошептала Соня, продевая руку в золотой браслет маленьких изящных часов. – Какая прелесть, милый! Они бесподобны! И точно пришлись на запястье! Буду носить их, не снимая.

Она, как всегда, преувеличивала и смотрела восторженными глазами. Подарок явно пришелся ко двору и вызвал

бурю положительных эмоций, но не смог остудить ее неуемных желаний. Соня снова открыла ему объятия, и он остался доволен, что смог угодить своей капризной нимфе.

– Мне пора, маленькая моя, отпусти, – не имея сил подняться, все еще сопротивлялся мужчина.

Но Соня смеялась и не отпускала, взяв на себя роль амазонки. Ее ласки стали слишком откровенными, так что между поцелуями и болтовней ему не осталось ничего иного, как перевернуть ее на спину и снова напомнить упрямой девчонке, кто здесь главный, и кому решать, когда оставаться, а когда уходить. Илья мельком отметил вновь сближающиеся стрелки на Сонином запястье и с показным недовольством признал, что лишние двадцать минут, потраченные на встречу с любимой женщиной, не повредят ее главной сопернице – работе.

Глава 1. Почти случайная встреча

На мерседес, вставший с включенной сигнализацией в левом ряду, с бешеной скоростью неслись машины, сигналя фарами и лишь в последний момент огибая знак аварийной остановки. Соня подняла стекло, спасаясь от постоянного гула, и с грустью поглядела на подсвеченную приборную панель.

– Илюша!

– Соня, я занят. Позвони через час.

– Нет, постой! – Ее голос в трубке неожиданно взбунтовался. – Мне нужна твоя помощь.

Илья уловил слово «помощь» и вернул трубку к уху.

– Ну и что ты натворила?

– Я стою на кольце в левом ряду между Мичуринским и Ленинским, – четко, как рапорт вышестоящему чину, доложила Соня, но сразу сбилась на скороговорку. – Я понимаю, что это глупо, но у меня проколоты два колеса, а запаска только одна. Да я и одно поменять не смогу… Илюшенька, пришли кого-нибудь из своих парней.

– Вызови эвакуатор.

Илья был убежден, что с этой простой задачей она справится без вмешательства высших сил, но у Сони оказались в запасе весомые контраргументы.

– Мне позарез надо в офис, и я не могу терять время, ка-

таясь по автосервисам.

– Ты у нас самая незаменимая?

В ответ на его иронию ласковая кошечка ощетинилась, как дикобраз.

– Я не стану снова обсуждать эту тему. Если тебе трудно помочь…

– Позвони Тихонову, он все организует.

– Это твои люди, я не могу ими распоряжаться.

– И то верно, а то войдешь во вкус.

В его обширном и хорошо вышколенном войске имелось достаточно бойцов, готовых на подвиги в любой сфере жизни. Она промурлыкала благодарность в замолчавшую трубку и вышла на дорогу. Каждый день у нее накапливалось дел больше, чем удавалось разгрести за восемь рабочих часов, а тут еще такая неприятность. Соня задумчиво потрогала надменно сияющую решетку радиатора и вздохнула, поднеся к уху телефон.

– Тебя плохо слышно. – Директор по персоналу ответил сразу, словно ждал звонка. – Что-то случилось?

– Я застряла на кольце.

– Опять президентов с мигалками катают?

– Нет, на этот раз хуже.

– Что может быть хуже, чем застрять в стихийной пробке по вине правительственного кортежа?

– Только стоять в левом ряду с включенной аварийкой.

Соня попыталась обратить сообщение в шутку, но он

не принял подачи.

– Ты попала в аварию? С тобой все в порядке?

– Я проехала по осколкам чьей-то аварии и в итоге осталась сразу без двух колес.

– Я сейчас же приеду, – заявил новоявленный герой.

– Даже не думай! Мне осталось дождаться группу поддержки, которая отвезет меня в офис и займется машиной. Но не ясно, сколько времени это займет.

– О времени не беспокойся. И осторожнее там.

В эту минуту на высокой скорости ее объехала черная БМВ, резко затормозила и, включив задний ход, стремительно приблизилась и замерла на расстоянии метра. Застыв от неожиданности, Соня во все глаза смотрела на незваную гостью.

– Я вижу, вам требуется помощь.

Черные брюки, бежевый свитер-поло, каштановые волосы, небрежно зачесанные назад. В длинных музыкальных пальцах – ключи от машины. Совсем не похож на механика. Праздношатающийся ловелас, не иначе.

– Помощь уже на подходе.

Она отодвинулась к водительской двери, но мужчина шагнул следом, и волнистая прядь упала на его высокий лоб.

– Я не ошибаюсь? Вам требуется эвакуатор?

– Куда приятнее было бы, если бы ошиблись.

– Однако же я прав. Проезжая мимо, я задал себе вопрос, что делает такая девушка в левом ряду с включенной ава-

рийкой.

– Вы поразительно быстро сориентировались в обстановке.

– Просто сориентировался, – многозначительно улыбнулся он, но тут же помотал головой. – Впрочем, нет. Все не так. Странно, что первым делом хочется солгать, чтобы выглядеть в глазах дамы бескорыстным спасителем. Вы скажете, что все мужчины так поступают. Сначала лгут, а потом не знают, как выкрутиться из ситуации, куда загнали себя сами.

– Вы не можете знать, что я скажу.

– Признаться, я ехал мимо по той стороне и увидел вас возле машины. Мысль развернуться и подъехать пришла чуть позже.

– То есть вы, как ангел-хранитель, просто последовали за мыслью…

– Я совсем не похож на ангела. Если только на падшего! – Незнакомец блеснул глазами, но тут же посерьезнел. – Я заметил красивую женщину, попавшую в беду. – Соня уже взялась за ручку, когда он почти выкрикнул сквозь рев проносящихся мимо машин: – Я мог видеть вас раньше? Выставки, презентации, казино?

– Даже странно, что вы об этом спрашиваете теперь. Начали вы весьма небанально. Но я отвечу. Нет, я не бываю на светских мероприятиях.

– Пусть я банален, – согласился мужчина, нахмурившись,

как будто пытался вспомнить. – Но ваше лицо мне знакомо.

– Я живу скромно: дом, работа. Нам негде было встретиться.

– И все же я почти уверен…

– Вы заблуждаетесь, – мягко не согласилась она. – К тому же, я бы вас запомнила. У вас необычное… интересное лицо. Удачное сочетание мужественности, породы и интеллекта.

Соня запоздало сообразила, что недопустимо говорить подобные вещи незнакомым людям, но эта эффектная смесь произвела на нее впечатление.

– Спасибо. – Он нисколько не смутился от ее откровенности. – Удивительно услышать такой изящный комплимент от женщины, которая нигде не бывает и не тяготится своим положением затворницы.

– Не бывает и не тяготится, – подтвердила она.

– Но при этом у вас обязывающая машина.

– Ах, так это машина вас обманула? – рассмеялась Соня. – Да, встречают по одежке…

– Уж простите! – Он развел руками и картинно поклонился, а Соня едва сдержалась, чтобы не хихикнуть, как девчонка. – Но я не могу оставить вас посреди дороги одну. Садитесь в машину. Еще довольно прохладно, хотя календарная весна уже давно объявлена.

– Я так и намеревалась сделать.

– Нет-нет, не в вашу. В мою. В вашей сидеть опасно. Вдруг

кто-то не заметит аварийного знака. Тогда вы можете пострадать.

– Но если кто-то не заметит аварийной сигнализации и врежется в мою машину, то пострадает и ваша, – заметила благоразумная Соня.

– Вам нечего бояться.

– Бояться? – переспросила она, напомнив себе, что совсем не знает этого человека. – Да я и не успела испугаться.

– Идите за руль, – вдруг предложил он. – Тогда вы сможете сами похитить меня, если захотите.

За рулем его «семерки» в поскрипывающем кожаном кресле было очень непривычно. В машине навсегда запечатлелся запах табака и его одеколона. От кожаной обивки пахло даже сильнее, чем от самого владельца.

Соня воспользовалась ситуацией, чтобы удовлетворить свой автомобильный интерес. Она пробовала настройки кресла, поднимала стекла, управляла зеркалами, включала «дворники» и оглядывалась, пытаясь почувствовать внушительные габариты машины.

– Большая, – уважительно подытожила она и провела рукой по волосам, убирая непослушные пряди с лица.

– Я вспомнил! – воскликнул мужчина и с неподдельным восторгом заглянул ей в глаза. – Я знаю, где вас видел!

– Да что вы? – скептически улыбнулась она, уверенная, что он ошибается. – И где же?

– Вы позволите? – И прежде, чем она успела отстраниться,

он провел ладонью по ее волосам. – Тогда у вас были длинные волосы. Вы убирали их вот так. – Он все еще держал теплую ладонь на ее затылке, удерживая вьющиеся пряди. – Очень красивые волосы. Они были забраны назад в такой, как это называется?.. И оттуда падали на спину.

Широко распахнув глаза, она смотрела в лицо мужчине, но не узнавала его. У него были большие чуть навыкате зеленые глаза, щедро опушенные ресницами. И эти глаза сейчас отражали ее заинтригованное лицо. Опомнившись и поборов странное оцепенение, Соня вывернулась из-под его руки. Ничем не сдерживаемые волосы снова упали ей на лоб, и она нетерпеливо откинула их.

– Что вы делаете? – негромко спросила она и заметалась взглядом по приборной доске, избегая смотреть на мужчину. – Так нельзя.

– На вас было длинное черное платье с глубоким вырезом на спине. – Он как будто грезил наяву. – И вы пили апельсиновый сок. Много сока.

– В Питере? – переспросила она, начиная догадываться. – Так это были вы?

– Как ни странно. Надо же, как распорядилась судьба!

– Это случайность, – слегка осадила его преклонение перед фортуной она. – Могло случиться с кем угодно.

– Но случилось со мной. А вы были с мужчиной.

– А вот это вам вообще стоит забыть. – Только теперь Соня почувствовала безотчетный страх, поднимающийся

из глубин подсознания. – Простите, но мне надо вернуться к себе. Сейчас подъедет техпомощь.

– Но мы еще даже не обменялись ни именами, ни телефонами.

– Это ни к чему. Мы больше не увидимся.

– Я не могу быть в этом уверен, ведь случай уже второй раз свел меня с вами. И я не хочу упускать шанс.

– Это исключено. Совершенно невозможно! – Соня помотала головой, не поднимая глаз. – Забудьте.

– Но почему так категорично?

– Послушайте меня и не ищите неприятностей.

– Я даже не знаю, чего мне бояться!

– Неприятности будут у нас обоих, – с раздражением пояснила она. – Вы ведь не хотите меня скомпрометировать? – Она открыла дверь и снова обернулась к нему. – Уезжайте немедленно, прошу вас.

Но мужчина, проявляя упрямство отвергнутого поклонника, вышел следом, и они встретились на маленьком пятачке между двух машин.

– Я не представляю угрозы для вас.

– Я знаю, знаю!

Она пыталась поскорее отделаться от настойчивого спасителя, опасаясь, что присланная на помощь команда обязательно доложит Илье о присутствии постороннего. И тогда ей придется объясняться, заново налаживать сложные и хрупкие отношения, снова стать объектом только-только

утихнувшей ревности. А если станет известно, что с этим человеком она уже виделась, то под сегодняшнюю случайность будет подведена такая база, что ей вовек не отмыться от обвинений.

– Вы боитесь не меня, – вслух предположил он, и от его проницательности ей стало нехорошо.

– Вы не понимаете русского языка? Боже, ну, что за человек!

– Меня зовут Арсений, – бросил он ей вдогонку. – И я уверен, что мы еще встретимся.

Соня хлопнула дверью и, положив руки на руль, уткнулась в них лбом, спрятав лицо от мужчины и давая понять, что больше не желает его видеть. В ту же минуту гелендваген застыл прямо перед его БМВ, и двое мужчин внушительного вида вышли из передних дверей. Пассажир внедорожника с квадратными плечами атлета и недвусмысленно-угрожающим выражением лица остановился возле владельца БМВ и тяжелым взглядом оглядел того с ног до головы. Сияющие ботинки и непослушная каштановая прядь на лбу не внушали подъехавшим доверия.

– Ну? – спросил амбал и, по-медвежьи изогнувшись, полез в карман. – В чем проблема? – Судя по отработанности жеста, Арсений ждал, что сейчас в лицо ему ткнется вороненый ствол, но на свет появилась пачка «Парламента». – Ну? – повторил выдержавший паузу громила и с наслаждением затянулся. – Чего завял?

Арсений понял, что если его и соберутся убивать, то не здесь и не сейчас. Но ответить шкафообразному телохранителю было нечего. Он пожал плечами и сосредоточился на потоке машин, летящих по другую сторону отбойника.

Решительный Сонин голос прервал повисшую паузу. Соня отстранила хозяина «семерки», как картонную декорацию, и втиснулась между ним и посланцами Ильи.

– Где вас черт носит, Макс? Я уже почти час здесь торчу.

– Да мы в пробку попали, Софья Ильинична, – запричитал Макс и опустил руки по швам, как будто отчитывался перед генералом. – По обочинам пробирались. А выехали сразу, как сигнал поступил. Остановились только сигарет купить.

Здоровенный охранник пробасил все это на одном дыхании извиняющимся тоном, разве что хвостом не вилял. Арсений не без злорадства смотрел в его побагровевшее лицо. Не так просто ворочать тугими мозгами, когда тебя отчитывают, как убежавшую с поводка шавку.

– Два колеса за один раз! – нервно повысила голос Соня. – Конечно, сама виновата, проехала по осколкам, но почему сразу нельзя убрать? Просто черт знает что такое!

– Вы эвакуатор вызвали?

– Нет! – Она вела себя так, будто они были на дороге одни. – Откуда мне было знать, когда вы явитесь? Все, хватит курить. Поехали срочно ко мне в офис.

У Макса явно отлегло от души, да и предмет разговора был понятен и незамысловат, как след от фуражки.

– А он? – Телохранитель в точности исполнил команду и отбросил сигарету, а потом кивнул на Арсения. – Этот откуда?

– Понятия не имею. Пару минут назад остановилась машина, чтобы спросить, не нужна ли мне помощь. Когда вы явились, он уже собирался отъезжать.

– Понятно, – протянул телохранитель и на всякий случай посмотрел на номер БМВ, пошевелил губами, мысленно повторяя набор цифр и букв.

– Ну, так мы едем или будем тут ночевать? Давай ключи от гелена, я сама доеду.

– Было сказано доставить вас до работы, – пояснил обстоятельный посланец и пропустил ее к машине. – Сейчас быстро домчим.

– Наконец-то! – вздохнула она, и, даже не взглянув в сторону случайного знакомого, забралась в услужливо открытую заднюю дверь.

Внедорожник стартовал, сигналя фарами и задними фонарями, и Арсений счел за благо убраться с места происшествия вслед за ним. Возле бирюзового мерседеса остался только квадратный, как засыпной сейф, водитель с крошечным телефоном, зажатым в могучем кулаке.

Соня уже несколько минут наблюдала через стекло «аквариума», как директор по персоналу исполнял замысловатый ритуальный танец возле молоденькой сотрудницы, при-

шедшей в отдел месяц назад. Он то выпрямлялся во весь рост, являя собой фигуру императора в момент моментальной съемки, то низко наклонялся над ее плечом, рассматривая цифры и графики, предъявленные начальственному взору. Анечка все ниже опускала стильно стриженую головку над своими многочисленными бумагами, а он принимался озабоченно расхаживать вокруг ее стула, как журавль в брачный сезон, заложив руки за спину, и вещал что-то со значительным видом.

Соня тщетно пыталась вспомнить, был ли он похож на журавля, когда год назад решил, что может себе позволить роман с новым офис-менеджером. Она нисколько не жалела, что этот роман так и не состоялся, хотя о нем, как об установленном факте, сплетничали все, кому ни лень. Но поймать «любовников» с поличным не удалось никому. Да и история с приездом в офис полковника Тихонова, и его стычка с директором по персоналу перевела праздные разговоры в несколько иную плоскость. Коллеги заговорили, что у загадочной Сони есть покровитель из самых высших сфер, и рядовому топ-менеджеру из скромной российской компании такое лакомство не по зубам. Собственно, так оно и было. И это обстоятельство в чем-то даже ему льстило, поскольку нужно иметь немалую смелость, чтобы замахнуться на такие вершины, куда простым смертным вход был не просто воспрещен, но даже невидим.

Недоступность Сони заставляла особо сердобольных дам

смотреть на Александра Васильевича с сочувствием, в котором он не нуждался. Временами двусмысленность ситуации вызывала у него острые приступы мизантропии, но чаще порождала стремление к отчаянной борьбе с далеким соперником, в которой, как ему временами казалось, он сможет напрячься и победить.

Признание Сони многое расставило по своим местам. И когда имя и положение соперника окончательно вышли из тени, любовный пыл директора по персоналу, который должен был бы разгореться ярче в соответствии с законами жанра, угас.

И хотя фактор риска, знакомый, скорее, по книгам, чем из собственного опыта, и мысль о том, что награда превзойдет ожидания, заставляли вскипать его слегка остывшую кровь, холодная и жесткая расчетливость Сони после неприятно памятного разговора, когда он с гордостью дилетанта предъявил ей свои выкладки, все-таки вынудила его взглянуть на вещи трезво.

Она была из породы женщин, которых невозможно изнурить длительной осадой или богатыми подношениями, если они не приняли тебя, как мужчину. Она влюблялась сразу и безоглядно или оставалась верным другом, несмотря на постоянные атаки с другой, вовсе не дружески настроенной стороны. Александр Васильевич за короткий промежуток иногда нерешительного, иногда почти агрессивного ухаживания открыл перед ней все свои карты, но среди них

не нашлось ни одной, способной побить козырного туза, которого она уже не пыталась прятать в рукаве. В какой-то момент, теряя голову от ее внешней близости и абсолютной недоступности, он чуть не сделал ей предложение, но вовремя остановился и напомнил себе, что потерять сытую и привычную синицу, не будучи уверенным в приобретении контрабандного журавля, глупо.

Впереди у него было много времени подумать и смириться с положением безответно страдающего поклонника. И он бы смирился и стал почти ручным, если бы планы начальства по покупке и перестройке нового офиса не заставили директора по персоналу перебросить все силы на другой фронт. Он не сразу понял, что вялотекущая работа, позволяющая мечтать о недостижимом, глядя на предмет своей страсти через стекло, превращается в настоящую битву за место под солнцем. А когда понял, было уже поздно.

После объявления, что компанию ждет переезд и расширение штата, его отдел оказался заваленным работой настолько, что все, что он мог себе позволить всю зиму и часть внезапно подкравшейся весны, – это иногда увидеть Соню где-нибудь в коридоре или на краешке стула в столовой. Теперь уже не несколько раз в день, а всего лишь пару раз в неделю он мог мысленно переместить ее в интимную и раскованную обстановку какого-нибудь шикарного отеля на французской Ривьере, где сам так ни разу пока не побывал. Там, в запредельно дорогих пентхаусах, в бордово-зо-

лотом антураже спален он получил бы все, чего был достоин долгие месяцы их знакомства. Все, что обещало ее податливое тело прохладным сентябрьским вечером на пахнущих кожей сидениях его ауди. Обещало, но не исполнило. И тогда, возвращаясь в реальность, в тягостном плену ее рассеянной улыбки, случайного прикосновения или балансирующих на грани двусмысленности утренних шуточек, которым за год она научилась у Кирилла, он отчаянно жалел, что упустил время и не узнал, какое откровение ждало его, имей он смелость настоять на развитии отношений.

Во время широкомасштабного наступления на всех фронтах, которое предприняла весна, стало очевидно, что истерическая срочность переезда откладывается до осени. Однако работников уже успели набрать, не пересчитывая и не сообразуясь с ограниченными возможностями трехмерного пространства офиса. Где и как эти орды помещались в тесных еще задолго до их нашествия помещениях, Александр Васильевич так и не смог понять.

Обстановка в компании теряла признаки цивилизации прямо на глазах.

Выходящий покурить сотрудник поднимал с места до десяти человек, как в партере сельского клуба во время гастролей областной самодеятельности. Офисная техника общего пользования была подвергнута жесткому остракизму со стороны людей и ютилась на подоконниках и под столами.

В результате провальной кадровой политики, слабой мо-

тивации персонала, невыносимых условий существования, больше похожих на выживание, резко выросла текучка даже в самых благополучных до катастрофы отделах. Скандалы и интриги в плотно упакованном, как селедки в банке, коллективе достигли небывалых масштабов и грозили перерасти локальные рамки и вылиться в гражданскую войну.

В туалеты, смешно сказать, даже в мужские, стояли очереди, как в ресторанах быстрого питания. Кофейные автоматы не справлялись с потребностями народа отлынивать от исполнения своих обязанностей в обществе бесконфликтной сигареты и дружественной кружки.

Большинство мужчин, уподобившись изначально привилегированным программистам, массово переходили на вольную форму одежды, ссылаясь на многочисленные опасности, грозящие костюмам в окружении «доширакоВ» и хот-догов, невесть откуда взявшихся в офисе и заполонивших когда-то чистые и благополучные столы.

Женщины стали прилюдно демонстрировать обновки, как дефицитные товары в годы советской власти, и одеваться, вернее, раздеваться настолько вызывающе, что стиралась четкая грань между работой и досугом в стрип-баре. На одну такую стриптизершу, как на живца, попался не замеченный ранее в пристрастии к женскому полу начальник отдела продаж. Бедняга впервые за много лет увяз в любовных тенетах и даже собрался жениться, пару раз сводив свою пассию в ресторан и один раз в гостиницу. Но тут вмешался бдительный

тесть и устроил загулявшему по весне зятю разгон прямо на рабочем месте. Решение проблемы взял на себя финансовый директор Алексей Алексеевич, проверенный годами друг детства виновного. Пассию без лишнего шума выпроводили вон, а на ее место взяли двух мальчиков. К ним начальник отдела продаж личного интереса не проявлял, снова потеряв вкус к приключениям и коротая вечера в компании с прежней женой и бутылкой «Очаковского».

Так изо дня в день когда-то солидная и стабильная жизнь превращалась в наглядный иллюстративный материал к апокалипсису на безнадежно тонущем корабле, где каждый стремился напоследок урвать все, ничего не отдавая взамен.

К восьмому марта, что было символично в период вынужденного усмирения плоти, Александр Васильевич сломался и предложил Соне начать все сначала. Новый виток ухаживаний, посиделки в кино или в кафе, прогулки по окутанному ранней зеленью бульвару. Долгие разговоры об искусстве и случайные касания рук. Или любые другие, даже самые невинные формы человеческого контакта после нечеловеческого трудового дня на Сонино усмотрение. Лишь бы вырваться из порочного круга «работа-дом-работа» с шестичасовым перерывом на тяжелое забытье, когда-то бывшее сном.

И только тогда он, к своему изумлению и стыду, узнал о Сониной жизни то, о чем спросить после новогодних праздников не удосужился. А спросив, сначала не поверил,

полагая, что она его разыгрывает, и это новый способ отваживания кавалеров. Но Соня не была склонна к розыгрышам. А после ее натуралистического рассказа о болезни Николая совесть не позволила ему поднять вопрос о новом витке любовной игры.

Теперь, когда жизнь временами казалась ему чертовски утомительной штукой, он поднимал глаза от ноутбука и просто созерцал тонкий Сонин профиль в обрамлении вьющихся волос. И, отгоняя томительные мысли о ее замученном теле, представлял, как спасает ее заблудшую душу из жестоких рук больного тирана, а заодно и другого, похотливого, как сатир, который и в этих трагических обстоятельствах, наверняка, не оставлял ее в покое.

И хотя он не знал, продолжает ли она отношения с братом, он был уверен, что никаких подношений от него, Александра Васильевича, Соня, как и прежде, не примет. И ничего не отдаст, кроме дружеского участия в ответ на его все еще тлеющие, хоть и присыпанные пеплом разочарования чувства.

«И все-таки есть на свете справедливость!» – в шутовской первоапрельский праздник, что было тоже символично, возгласил он, когда бог и генеральный директор снизошли к его пламенным молитвам. Ему в утешение был послан психолог в лице перспективной и хорошенькой Анечки, год назад окончившей университет с красным дипломом и с наивностью молодого специалиста мечтающей гармонизировать отношения в солидной компании, вроде той, что была ввере-

на его неустанным заботам. И поскольку их желания приятным образом совпали, а шеф не успел за два дня передумать насчет новой штатной единицы, Александр Васильевич взял Анечку на работу сразу после первого собеседования, чтобы не искушать изменчивую судьбу.

И как назло, бедная Анечка, напуганная такой нежданно свалившейся ответственностью и гордая вниманием непосредственного начальства, выбрала и без того задерганную Соню в наперсницы.

– Какой потрясающий, необыкновенный мужчина, – с наигранной наивностью выпускницы института благородных девиц разоткровенничалась юная прелестница. – Где таких берут?

– А тебе сколько таких нужно? – рассеянно уточнила Соня, делая пометки в блокноте.

– А сколько есть?

– Он у нас такой один. Исключительный.

– Его бы я взяла, – вздохнула девушка. – Не задумываясь.

Соня ее признанием была повергнута в некоторый шок и взглянула через стекло на Александра Васильевича, который наблюдал за разговором двух женщин, даже не предполагая, что речь идет о его судьбе.

Директор по персоналу, несмотря на обручальное кольцо и даже вопреки ему, Анечке отчаянно нравился, хотя его настойчивость и казалась ей несколько преждевременной и даже слегка предосудительной. Мама по утрам напутствовала

дочь раз и навсегда затверженным лозунгом: крутить романы с начальством – дурной тон, чреватый крупными неприятностями. Под неприятностями, конечно, подразумевались, в первую очередь, внебрачные дети, а уж потом – загубленная карьера и девичьи слезы в подушку. Однако в пику маме удачливые подружки утверждали, что в ее возрасте такой флирт является очень своевременным, и ничего предосудительного в нем нет. Они даже советовали не артачиться слишком долго и начать принимать от Александра Васильевича знаки внимания, выраженные в материальном эквиваленте. В свою очередь, неудачливые подружки завидовали и осуждали, вторя маме, и потому были куда менее убедительными.

А сам герой девичьих грез на втором месяце работы новой сотрудницы начал впадать в подозрительные откровения, отлавливая Соню после трудового дня.

Соня, понуждаемая консультировать обе заинтересованные стороны, держалась до последнего и молчала, как старый чекист.

Внутренняя неуверенность делала директора по персоналу изощренным и раздражительным. Вместо попытки раз и навсегда объясниться с влюбленной девицей, он взял на вооружение политику кнута и пряника.

В одну из пятниц уставшая и выключившаяся из рабочего процесса Соня, подперев рукой щеку, безучастно наблюдала новый акт комедии, под названием «служебный роман».

Сегодня был день кнута, которым начальник наставлял молодого специалиста на путь истинный. Анечка подобных игр не понимала, хоть и была дипломированным психологом. Она почти уткнулась носом в пол, и Александр Васильевич не без тайного удовольствия поглядывал на ее круглые колени, едва прикрытые графиками и диаграммами, не прерывая при этом воспитательного процесса и в запале позабыв о стеклянной стене. К заключительному тезису его выступления бедняжка была уверена, что не доживет в коллективе даже до конца испытательного срока.

Соне было смешно и чуточку обидно, как быстро еще недавно увлеченный ею Александр Васильевич переключился на эту девочку, краснеющую при одном упоминании его имени. Анечка требовала ее совета, как поступить, если Александр Васильевич захочет вывести их осторожный интерес друг к другу на новый, сказочно желанный, но опасный рубеж. Соня понятия не имела, что ответить. Сама она никогда не спрашивала мнения других в столь интимном вопросе. Ее чувства к Илье появились в нежном возрасте, когда она даже не могла их сформулировать. А потом эти же чувства, только усиленные во много раз мечтами и пробуждающимися желаниями, как-то очень внезапно сломали все барьеры дозволенного. Спрашивать совета или отступать оказалось слишком поздно, в результате чего к неполным шестнадцати годам она оказалась без памяти влюблена в собственного брата.

Ее интерес к остальным представителям сильного пола служил фоном для этих переживаний. Все стадии отношений с другими мужчинами, будь то семейная жизнь, роман и флирт, были лишь бледными копиями ее неутоленной и, вероятно, неутолимой страсти к Илье.

Александр Васильевич в «аквариуме» сжалился и перестал отчитывать погребенную под горой собственных ошибок и просчетов Анечку. Прижимая к груди пачку листов, она выскочила из его кабинета. Всем, включая и Александра Васильевича, было ясно, что ближайшие полчаса она проведет в туалете, смывая с лица остатки косметики.

Соня решительно поднялась из-за компьютера и постучала в стеклянную дверь кабинета, с осуждением глядя в растерянное лицо директора по персоналу. Он кивнул, и она заняла еще теплое место незаслуженно наказанной Анечки.

– И зачем? – спросила она. – Вот уж не подозревала, что ты садист.

– Я не садист, – угрюмо буркнул он и оттолкнул компьютерную мышь. – Она таких дел наворотит, если я не вмешаюсь… Потом не то что психолог, психиатр не расхлебает.

– Честно говоря, мне должно быть все равно, что тут у вас творится. Но проблема в том…

– Что ты ревнуешь, – закончил за нее Александр Васильевич и, захлопнув крышку ноутбука, наклонился к ней через стол. – У тебя, Соня, безусловный приоритет.

– Оставь свои заплесневелые шуточки, – поморщилась

она, закинув ногу на ногу, но не смогла сдержать улыбку. – Я вообще не умею ревновать. Но это к делу не относится. Так вот, я все-таки скажу тебе…

– Знаешь, если ты сейчас станешь объяснять мне, что я аморальная личность с типичными признаками разложения, я скажу тебе что-нибудь грубое в ответ. И буду неправ, а ты обидишься.

– Я не обижусь, – покачала головой Соня и посмотрела на него с сожалением. – Кажется, тебе надо выговориться. Я не слишком подхожу на роль жилетки для взрослых мальчиков. Но могу попробовать выслушать тебя.

– Соня! – Он почувствовал себя малышом, получившим нагоняй от строгой воспитательницы. – Мне не нужен психоаналитик. Мне нужна нормальная женщина! И не в кабинете с разговорами, а сама знаешь где.

– Гормоны разыгрались? – посочувствовала она. – Я тебя понимаю.

– Ты понимаешь? Ты?! Да у тебя их вообще нет! Хотя, – он спохватился и на мгновение зажмурился, отгоняя целую череду образов, – черт, на самом деле, у тебя их столько, что у меня в твоем присутствии слюна течет и брюки рвутся.

Соня даже не попыталась возмутиться из-за несвойственной начальнику пошлости.

– Не в моем присутствии, а в ее.

– Если бы не было тебя, я бы на нее и внимания не обратил. Ты – первопричина.

– Только не надо меня шантажировать, – беззлобно отмахнулась она. – Будет лучше, если ты станешь общаться с ней, забыв обо мне. Ей все равно, женат ты или холост, сволочь или порядочный человек. Девочка не умеет скрывать своих чувств, а ты ведешь себя, как последняя скотина, уж извини. Хочешь завести роман – пригласи барышню на чашечку кофе, своди в театр, полюбуйся вместе с ней на звезды, в конце концов. А если тебя к ней не тянет, так уволь ее, потому что остаться здесь и сохнуть от любви для нее хуже, чем решить, что ты такой же, как и все, бесчувственный и эгоистичный болван.

– До чего ж ты правильная, Софья! – в свою очередь возмутился он. – Боюсь тебя разочаровать, но если мне что-то и надо от женщины, то уж точно не шляться за ручку под луной.

– Не убудет от тебя, если ты прогуляешься с девушкой по ночному городу. И в кафе она тебя тоже не разорит.

– А с тобой мне точно нельзя? – вдруг спросил он, как будто с самого начала не знал ответа. – То же самое, но с тобой?

– Господи, Саша, я надеялась, что ты поумнел! А ты опять за старое… – Соня уперлась ладонями в колени, собираясь встать. – Ладно, разбирайся с девчонкой сам. Только не забудь, что она живая, и ей бывает больно. А я пойду, пожалуй, от греха подальше, пока ты и меня не выпорол.

– Нет, подожди, – занервничал он, вовсе не желая ссо-

риться со своим офис-менеджером. – У меня от всего крыша едет. И этот бардак в компании, и дома черт знает что, и еще ее коленки, будь они неладны. Давно такой дурацкой весны не было.

– Да, пожалуй, – загадочно подтвердила Соня, улыбаясь пестрому ковровому покрытию под ногами.

– По-твоему, я выгляжу полным кретином?

– Я вовсе не над тобой смеялась. Действительно какая-то солнечная активность или что-то в воздухе. Даже на меня оно действует.

Его так и подмывало спросить, не объединить ли им усилия в борьбе с общим врагом – сексуальными фантазиями, но снова скатиться к прежней теме он не решился.

– Хочешь сказать, что и тебе не чуждо ничто человеческое? Снова Брюс Уиллис или в Голливуде появился новый спаситель мира?

– Слава богу, меня спасать не надо.

Она в задумчивости покачала носком туфли, вспоминая события трехдневной давности.

– Так все-таки мужчина? – прищурился шеф.

– Помнишь, я эвакуатор ждала? А незнакомый человек вдруг остановился и предложил помощь. Я даже имени своего не назвала…

– А теперь забыть не можешь?

– Да просто вспомнился, – отмахнулась она. – Похоже, такие случайности происходят, когда ничего уже не ждешь.

Происходят и остаются историей.

– Ну, в этом смысле ты у нас точно «исторический человек». Кстати, как поживает твой брат? – Александр Васильевич, наконец, нашел в себе силы задать вопрос, который давно мучил его. – Ты говорила, что все закончилось. Или весна внесла коррективы?

– Илья? – переспросила Соня, отпустив романтизированный образ Арсения восвояси. – Мы иногда видимся в семейном кругу. Но Коля болеет, а у меня совсем нет сил. – Она поспешила поскорее свернуть опасный разговор и поднялась. – И снова об Анечке. Если она тебе не нужна, не морочь ей голову. А если нужна – начни что-то делать. И оставьте оба меня в покое. Я не могу быть посредником между вами.

– Я, пожалуй, приглашу ее в кино, – вслух размышлял Александр Васильевич, пока Соня шла к двери. – Только пойдет ли она?

– Почему нет? Я ведь ходила, – не оборачиваясь, ответила женщина и оставила растревоженного воспоминаниями начальника наедине с самим собой.

Глава 2. Дело техники

Для Арсения Орлова сбегать в деревню на стареньком чероки независимо от времени года было необъяснимой потребностью души, потому что только в такие моменты он ощущал, что душа в нем еще осталась.

Летом его страсть к деревне вспыхивала гораздо реже в силу разных, подчас не зависящих от него обстоятельств. Во-первых, он не любил пробки. В городе он их терпел, активно пользуясь телефоном или тренируя память запоминанием десятков деталей в обстановке за окном. Но на трассах пробки были настоящим проклятием. При этом количество дачников, стремящихся прочь из мегаполиса, росло с каждым годом, и спасения от них не было ни на проселочных дорогах, ни даже на обочинах, по которым он объезжал многочисленные заторы. А во-вторых, за пять лет эти же самые дачники заполонили тихую деревню в ста километрах от Москвы, где он выстроил свою маленькую крепость, и не давали ему возможности насладиться законным одиночеством и сельской тишиной. Его приводили в тихое бешенство крики детей, лай собак, дым костров над мангалами и бесконечные строительно-ремонтные работы, которые велись на шести сотках с апреля по октябрь все двадцать четыре часа в сутки.

Для него, ведущего ночной образ жизни, утреннее кудах-

танье и ругань на участке справа или визги младенцев и стук молотка на участке слева были равносильны пытке бессонницей в застенках гестапо.

В остальные дни, когда его не тянуло в деревню, чтобы отдаться мнимому уединению, он вел жизнь успешного и рискового бизнесмена и ездил на черной семерке БМВ, надраенной до блеска, хищной и опасной, как лесной зверь, опрометчиво посаженный на цепь у дома. Семерка годилась на то, чтобы навещать партнеров, бесить врагов, покорять сердца женщин, нарушать скоростной режим, – то есть практически на все случаи его беспутной жизни.

Чтобы познакомиться с Соней поближе, семерка подходила как нельзя лучше. Он уже несколько дней ездил за ее мерседесом, придумывая, с какого бока подобраться, и эти вовремя проколотые колеса посреди автомобильного столпотворения стали большой удачей. Теперь ему надо было подобрать хорошую наживку, чтобы золотая рыбка снова не ускользнула. Все остальное было делом вдохновения и техники соблазнения, отработанной годами.

Четкого плана относительно Сони Билецкой у него пока не сложилось, да и задача была поставлена слишком абстрактно: узнать о ее брате что-то, о чем не была осведомлена ни официальная пресса, ни конкуренты, ни партнеры. По бизнес-каналам информация о нем собиралась по крупицам, но глубоко в частную жизнь пока никому проникнуть

не удалось. Заказчик Арсения знал, что Илья был крепким орешком. Он не распространялся о своих планах, держал рядом только хорошо проверенных людей и был подозрителен, как неаполитанский мастиф.

– Что я должен найти?

– Понятия не имею. Но ты поймешь, когда на это наткнешься. У тебя хорошая интуиция, и ты разбираешься в женщинах.

– Она точно знает то, что вам нужно?

– Возможно, ключ не в ее знании, а в чем-то ином. Так что ищи и будь осторожен.

– Сколько у меня времени?

– Столько, сколько тебе понадобится. Возможно, и нечего искать. Но что-то мне подсказывает, что наш добрый друг разыгрывает одному ему известную партию, да еще и на разных досках, а остальные участники могут оказаться в дураках. Я не привык быть пешкой. Я хочу получать информацию первым, о чем бы ни шла речь.

– Если есть, что найти, – я найду.

– Только смотри, не влюбись. Она очень хороша, эта Соня Билецкая, да не твоего поля ягода. И брат никогда не отдаст ее тебе. Прошлое у тебя, сам знаешь…

– Я не пустоголовый щенок. И даже если она принцесса…

– Ты пока не понимаешь, с кем имеешь дело. Не знаю, кто она на самом деле, но для Ильи она принцесса. Она часть его семьи, и он не позволит ни тебе, ни кому другому нанести

ущерб своим близким. Он скорее сотрет тебя в порошок, чем рискнет сестрой.

– Я не претендую на его сестру. Это работа, а не любовное приключение.

– И все-таки соберись. Я не хочу, чтобы ты завалил дело.

Соня блаженно жмурилась и подставляла лицо весеннему солнцу. В последние несколько дней она стала сбегать в обеденный перерыв из офиса, чтобы просто посидеть на бульваре. Здесь можно было не думать ни о доме, ни о работе. Просто нежиться на солнце и перескакивать с одной мысли на другую: об облаках, которые таяли в синеве, как сахарная вата, о нежных народившихся листочках, сквозь которые пробивались солнечные лучи, о голубях, суетящихся на дорожке, о людях, спешащих по своим делам. И все эти мысли складывались в то самое «ни о чем», которое не приносило раздражения и не оставляло тягостных воспоминаний об очередном загубленном дне. Возвращаясь в офис, она ликовала, что ей снова удалось вырваться на полчаса из повседневности, сбежать на необитаемый остров, куда не доносились гудки машин, обрывки чужих разговоров и отголоски неприятностей, которыми щедро награждала ее жизнь.

– Я столько дней представлял нашу встречу, а вот теперь не знаю, что сказать. Здравствуйте, Соня.

Она не сразу поняла, что человек, минуту назад севший на ту же скамейку, обращается к ней. Но когда повернула го-

лову, встретила осторожный и чуть лукавый взгляд. Ей следовало удивиться, потому что именно так поступают благовоспитанные леди, когда случается подобная запланированная неожиданность, но она все это время подозревала, что однажды встреча состоится, и не стала играть.

– Вы нашли меня. – Прищурившись, она испытующе смотрела на мужчину. – Как и обещали.

– Да, взял на себя смелость продолжить знакомство.

Он придвинулся ближе, заподозрив в ее словах поощрение. Соня улыбнулась и укоризненно покачала головой.

– Вы за мной следили и, к счастью, не сказали, что это опять случайность.

– Теперь не случайность, конечно. Мне было бы проще позвонить и договориться о встрече. Но вы не оставили ни своего номера, ни даже своего имени.

– Если вы нашли меня здесь, значит, и несколько цифр для вас не проблема.

– Но что бы я сказал по телефону? – Он сделал строгое лицо и заговорил напряженным голосом: – «Здравствуйте, это Арсений». А вы бы сразу повесили трубку. Или, может быть, вспомнили, но возмутились моей бесцеремонностью.

– То есть, нельзя позвонить, но можно прервать мое уединение на бульваре? А если я жду приятеля?

– Тогда просто скажите, и я уйду.

– Нет, останьтесь. Я просто греюсь на солнышке.

– Я тоже люблю иногда сбежать от всех. Так вы не серди-

тесь, что я разыскал вас?

– Я знала, что вы найдете. Только незачем.

– Вы не гоните меня, как в прошлый раз. Это хороший знак.

– Я опасалась неприятностей для себя. – Она запнулась, но все же закончила фразу: – И для вас.

– Ревнивый муж?

– Не ломайте комедию, Арсений. Если вы смогли найти меня на бульваре, то наверняка знаете, за кем я замужем.

– Простите. Я знаю, что ваш муж болен. И у вас есть покровитель, а у него серьезная секьюрити. Там, в казино…

– Я мало что помню. Это была утомительная поездка, да к кому же тем вечером я заболела.

– Вы мне сказали тогда, что не любите играть.

– Чистая правда, не люблю. И в казино до того вечера не бывала.

Она, конечно, кривила душой, потому что помнила залы игровых автоматов в Лас-Вегасе. Невообразимый шум, азартные выкрики, музыку и звон момент, сыпавшихся в руки счастливчиков. Впрочем, туда, где солидные господа играют за столами с зеленым сукном, Роза ее действительно не пускала.

– Тогда стоит хоть раз попробовать.

– Не стоит, – покачала головой Соня.

– Потому что покровитель запрещает или потому, что вам слишком везет в любви и не может везти в картах по извест-

ному закону?

Соня расхохоталась его здоровому чувству юмора, но через минуту посерьезнела.

– В любви мне везет, это правда. Но я не люблю саму атмосферу игры и ажиотаж вокруг нее. Слишком много внимания деньгам. Хотя мои представления о казино заимствованы из кинематографа, а не из личного опыта.

– Может быть, я смогу пригласить вас посмотреть на игру другими глазами? Проведите вечер со мной в казино.

– Боже упаси! – почти испугалась она. – Я не об этом говорила. Мне достаточно моей теории.

– Не сомневаюсь, но я мог бы показать вам другой мир. Мир игры не снаружи, а изнутри.

– Каким образом? Вы волшебник?

– В этом нет волшебства. Все давно описано в романах: новые технологии, камеры слежения, электроника.

– Ах, в этом смысле изнутри! То есть, если я правильно догадалась, вы там работаете?

– Так и есть. Я не призываю вас играть. Я предлагаю посмотреть на человеческие пороки и страсти со стороны.

– А вы опасный человек, Арсений! Вы так тонко искушаете меня. Наблюдать за чужими страстями, взлетами и падением и не давать волю собственным страстям… Возвыситься над остальными, над слабостями человечества, – это гордыня во всей красе.

– Так попробуйте. Вы ничего не потеряете, – мягко уго-

варивал он.

– Это как посмотреть. Не всякое знание полезно.

– Никакое знание не может само по себе вести к падению. Во всем остается наш выбор. Сделайте его, и все встанет на свои места.

– Может быть. – Она коротко взглянула на часы и заторопилась. – Извините, мне пора.

– Постойте, Соня. Еще минутку. Не заставляйте меня искать случайных встреч с вами на бульварах. Давайте увидимся вечером. Не хотите в казино – не надо. Сходим, куда скажете. В ресторан? В театр?

– В театр?

Она оценивающе посмотрела на него, словно решала, можно ли показаться на публике с таким спутником

– Я сейчас же куплю билеты на вечер.

– На завтрашний вечер, – уточнила она. – Сегодня у меня другие планы.

– Вы всерьез? – Он был удивлен такой быстрой победе. – Так я позвоню вам?

– Вот. – Она достала из сумки визитку и написала на ней номер своего мобильного. – Только не говорите, что и этот номер вы уже знаете.

– Этот еще нет. В ГАИ его не дают.

Соня смешливо наморщила нос, как девчонка, и поднялась со скамейки. Высокий Арсений вскочил еще раньше, и Соня чуть отступила назад, чтобы иметь возможность ви-

деть его лицо, а не только галстук, и первая протянула руку. Он слегка сжал ее и наклонился, чтобы поцеловать.

– У вас есть предпочтения насчет театров?

– Не хочу ничего большого и многолюдного. Какая-нибудь студия, малая сцена. Чем меньше людей, тем лучше. Я от них и на работе не в восторге.

Она удалялась в сторону оставленной машины, и неугомонное сердце выскакивало у нее в груди. Только что привлекательный и галантный мужчина назначил ей самое настоящее свидание. И она, замужняя дама, мать, хозяйка дома и любовница своего брата, согласилась на эту авантюру. И ни за что не передумает к завтрашнему вечеру, потому что устала от груза ответственности, от капризов Николая, от сумасшедшей работы, от вечной борьбы с Ильей. А с этим незнакомцем легко и приятно. И ничто не помешает ей провести вечер с удовольствием, сходить в театр, выпить чашечку кофе в фойе и поболтать о пустяках.

Арсений смотрел ей вслед и, довольный собой, размышлял, как неожиданно легко дело сдвинулось с мертвой точки. Женщина вблизи была привлекательна и вовсе не так неприступна, как казалось в Питере. Искусственные диалоги, которые он несколько раз успел разыграть сам с собой, остались невостребованными. Она с самого начала дала понять, что не тяготится его обществом и не сердится на его настойчивость. За то время, что он собирал о ней сведения, он успел понять, что она по-настоящему одинока. Ни работа

в большой компании, ни маленькая дочурка, ни дорогая машина не смогли обмануть его внутреннего наблюдателя. Ей не хватало человеческого участия, как не хватает его многим мужчинам и женщинам, живущим в клетке большого города. Как не хватает и ему самому, несмотря на многочисленные успехи у дам, деньги, сотни случайных знакомых и давних приятелей. Возможно, именно брат, который вырастил ее, и был тем человеком, с которым у нее были по-настоящему доверительные отношения. Он заботился о ней, а она отвечала ему искренней преданностью. Закономерные отношения между близкими людьми, которые в силу разных причин опасаются доверять посторонним.

Когда-то у него был доберман. Убийца без страха и упрека, готовый за хозяина растерзать любого. И все же ему требовалась ласка и внимание, как любому живому существу. В отсутствие хозяев он выл и тосковал, радовался, когда они возвращались, и с тоской во взгляде провожал их по утрам. Казалось, с таким сторожем квартира в безопасности. Однако, однажды, вернувшись домой, хозяин обнаружил смущенного пса, жмущегося к его ногам, и до копейки выпотрошенный сейф. Зубастая машина для убийства купилась на человеческое участие домушника. И неважно, что это участие проявил вор, нанесший хозяину значительный урон. Пес хотел любви и получил ее от постороннего, от первого встречного, оказавшегося в дверях квартиры.

И Соня была неприступна лишь с виду. В душе она стре-

милась к общению, не ограниченному социальными рамками или финансовыми и политическими интересами своей семьи. Именно на понимание и внимание со стороны чужого человека ее можно было изловить. Может быть, не слишком быстро и легко, но у него было время. И желание тоже было. Он снова убедился, что она умна и хороша собой. А он испытывал давнюю слабость к этому уникальному сочетанию женской привлекательности.

Они встретились на следующий день без четверти семь возле входа в театр «Сфера». Это была самая маленькая сцена, которую он знал в Москве, и Соня днем подтвердила, что в выборе он не ошибся. Арсений принес ей розу на длинном стебле и во время спектакля, несколько раз искоса взглядывая на свою спутницу, видел, что она держит ее возле щеки, как будто согревает своим теплом. Спектакль оставил у обоих смешанные впечатления, и на дорожке перед театром они бурно обсуждали музыкальное сопровождение, неожиданный поворот сюжета и актерскую игру. Она все еще прижимала розу к лицу, касалась ее губами, слушая мужчину, и отодвигала от себя цветок, как микрофон, когда сама принималась говорить.

– Жаль, что я не смогу проводить вас домой, – внезапно сказал он, вместо того, чтобы ответить на ее очередную реплику о странностях сюжета. – Ох, уж эти самостоятельные женщины за рулем!

– Да. – Она потупилась, опасаясь выдать собственные мысли. – Уже пора ехать.

– Еще не поздно. Может быть, выпьем по чашечке кофе? Здесь в двух шагах, в саду.

– Прекрасная мысль, – тут же согласилась она.

Но в кафе темы для разговора как будто иссякли. Она молча пила свой капучино, изучая что-то на глянцевой поверхности стола. Арсений смотрел на ее склоненную голову и думал о том, что предпримет, когда последние минуты вечера подойдут к концу.

– И что дальше? – первой спросила она, как будто угадав его мысли.

– Дальше я надеялся, что вы согласитесь сходить со мной еще куда-нибудь.

– С вами интересно, – бесхитростно сказала Соня, не отвечая на предложение. – И спасибо за этот вечер.

– Тогда задержимся еще?

– Зачем? Мы молчим уже пятнадцать минут.

– Простите. Просто я не решался сказать, что хотел бы продлить нашу встречу.

– Надолго? – пошутила она и вдруг смутилась. – То есть, я имела в виду…

– Надолго, – поспешил с ответом он и взял ее руку в свою. – Очень надолго.

– Меня ждут дома. – Женщина залилась краской и прижала розу к губам, скрывая смущение. – Идемте к машине.

Арсений выпустил ее руку, и она порывисто поднялась и заторопилась к дверям, словно опаздывала на важную встречу. Теперь по дороге к стоянке она уже не держалась за его локоть, и он шел рядом, глядя на ее задумчивый профиль.

– Так я могу надеяться? – нарушил молчание мужчина, когда в конце дорожки показалась стоянка.

– Можете, – сухо кивнула она и пошла еще быстрее.

– Соня! – Он поймал ее прохладную руку, когда она остановилась возле своей машины. – Что-то не так?

Ее лицо было в тени, а ветер перебирал кудри у нее на макушке. Он осторожно пригладил взлетевшую прядь. Соня вздрогнула и мотнула головой.

– Мне пора ехать.

– Но, Соня…

– Я благодарна вам за… внимание. – Она повернулась и, подняв голову, посмотрела куда-то ему за спину. – Но мы не сможем встречаться.

– Из-за вашего друга?

– Он мой брат, – с неохотой призналась женщина.

– Брат? – Арсений замолчал, сделав вид, что переваривает услышанное. – Тогда я не совсем понимаю…

– А я не могу объяснить. Просто прошу, не ищите больше встречи со мной.

– Это невозможно, Соня. Я… – Он запнулся и сжал ее пальцы, пытаясь придать уверенности голосу. – Мне нужно

увидеть вас еще раз.

– Только раз? – уточнила она с женской непосредственностью. – И на этом мы закончим?

– Нет. – Он улыбнулся своей оговорке и поднес ее руку к губам. – Я хотел сказать, много раз. Я хочу видеть вас часто, Соня. Вы очень красивы. И еще…

– Не тратьте зря слов! – Она отняла руку и нахмурилась. – Я не хочу этого слушать.

– Не хотите знать, что нравитесь мне? Я обидел вас?

– Конечно, нет!

– Тогда завтра днем пообедайте со мной.

– Я не могу.

– Прошу вас, Соня. Всего лишь обед. При свете солнца, на глазах десятков людей. Я не скомпрометирую вас, не буду навязчив, не скажу ничего лишнего.

Он наклонился, пытаясь поймать ее ускользающий взгляд. Соня поднесла розу к лицу и на секунду закрыла глаза. «Только обед, – сказала она себе. – Один единственный раз!»

– Хорошо, – ответила она.

– Вы согласны? – Он не сразу поверил сказанному. – Я не ослышался?

– Встретимся на бульваре. У меня будет сорок минут.

– Целая вечность рядом с вами!

По дороге домой она то и дело переставала следить за дорогой и еле избежала аварии, перестраиваясь вправо. В кон-

це концов, ей пришлось остановиться у тротуара и заглушить двигатель. «Он такой… неожиданный! Говорил о театре и так смотрел. И если бы поцеловал… Совершенное безумие! Я хочу, чтобы чужой мужчина меня поцеловал! Должно быть, у него отбоя нет от поклонниц. А я… Бог знает на что стала похожа. Кожа да кости, глаза запали. Давно пора заняться собой. Только когда? Белла болела. И Николай… Если Илья узнает, он убьет нас обоих! Почему же он не сделал попытки поцеловать? Мы сидели рядом, и я чувствовала, как он смотрит. Кажется, если бы он попросил, я бы поехала с ним… С ума сошла! Куда с ним? С первым встречным! Просто потому что он красивый и галантный? Какая невозможная весна! Я чувствую себя совсем девчонкой, как до замужества. Нет, тогда я даже не знала, чего хотеть. Был только Илья. А сейчас я хочу другого! После всего, что у нас было с Ильей, вот так просто взять и увлечься незнакомым человеком! Ах, если бы он поцеловал меня! Завтра… Мы договорились пообедать завтра! Так, если я сейчас же не сосредоточусь на дороге, то завтра для меня просто не наступит».

Но завтра наступило в срок, и утром она тщательнее обычного укладывала непослушные волосы и подбирала помаду. Зато время обеда все никак не начиналось, и Соня гипнотизировала то наручные часы, то маленькие цифры в правом нижнем углу монитора, то темный дисплей телефона и отчаянно нервничала. Привычные шутки Кирилла казались

плоскими, вопросы Анечки – глупыми, звонки коллег – навязчивыми. А когда Александр Васильевич предложил вчетвером провести время в ближайшем кафе, Соня вспылила и заявила, что все они эгоисты и должны, наконец, дать ей отдохнуть хотя бы в законный обеденный перерыв. Коллеги в недоумении переглянулись.

– Для климакса, вроде, рано, – заметил Кирилл, словно ненароком заглядывая в вырез ее блузки. – Тебе что, с утра машину поцарапали?

– Можно оставить меня в покое? – огрызнулась она, уткнувшись в свой блокнот.

– Можно. Ты предпочитаешь покой из красного дерева с латунными ручками или золотую урну?

– Я предпочитаю деловую обстановку на рабочем месте. Деловая обстановка – это когда никто не сидит у тебя на столе на пачке документов и не пятится на твою грудь.

– Соня, если ты встала не с той ноги… – начал было Александр Васильевич, но она ощерилась на всю команду, как лисица из норы.

– А если я вообще не ложилась? Мне и без вашей болтовни ни днем, ни ночью покоя нет.

– Сказала бы просто, что не хочешь обедать, – наконец обиделся Кирилл и первым отошел от стола. – Подумаешь, вегетарианка диетическая.

– Соня, когда у тебя будет время, не могла бы ты мне подсказать… – робко попросила Анечка, но фразу закончить

не успела.

– После обеда. – Офис-менеджер подняла голову и на миг задумалась. – После того, как я вернусь с обеда.

– Ладно. Скажи, когда освободишься.

Анечка тоже испарилась, а Соня перевела недобрый взгляд на Александра Васильевича.

– Ну, к тебе тоже зайти, когда освобожусь?

– Нет, ко мне прямо сейчас.

Он пошел в свою часть кабинета, оставив дверь открытой. Она в раздражении бросила карандаш на стол и поплелась следом, проклиная предыдущий диалог на чем свет стоит.

– Ты что, с цепи сорвалась?

– Прости, трудный день. Можем попробовать сначала…

Директор по персоналу опустился в кресло и смотрел на нее с укоризной, как смотрит государь на зарвавшегося любимца. Соня устроилась напротив, демонстративно положив ногу на ногу, отчего ее узкая юбка поднялась выше положенного корпоративными правилами уровня.

– Вы не в баре, Софья Ильинична. И не на рынке. Поэтому не надо со мной торговаться. – Его ледяной тон заставил ее выпрямиться на стуле и одернуть подол. – Я еще вчера ждал от вас бумаги, относительно…

– Вчера я не успела, – в том ему заметила она. – Сегодня к пяти.

– А письмо в дирекцию?

– После обеда я подам его на подпись.

– А что у нас с запчастями для копира в бухгалтерии?

– Я собиралась звонить утром. Но теперь уже после трех.

– А что у нас намечено на обед?

– Извини?

– Обед. Почему одно упоминание об обеде вызывает у вас такую бурную реакцию?

– Я должна уйти с половины второго до половины третьего. – Она поерзала на стуле, ожидая, что дальнейшие расспросы прекратятся. – У меня встреча.

– Я бы за вас порадовался от души, но письмо в дирекцию необходимо составить к двум. Так что перенесите свой обед на более раннее или более позднее время.

– Я не могу, – растерялась она и подалась к нему. – Нет, это невозможно.

– Больше я вас не задерживаю. Без пяти два оно должно лежать у меня на столе.

– Саша, я, правда, не могу.

– А придется.

– Меня будут ждать.

– Позвони и отмени встречу.

– Но мне некуда позвонить. Я знаю время и место…

– Уличный рыцарь? – усмехнулся он. – Маленькие радости большой любви?

– Это тебя не касается! – отрезала она, чувствуя, что внутри все закипает от его бесцеремонности.

– Согласен. Зато меня касается твоя работа.

– Саша, я все равно уйду. Ты не понимаешь…

– Не советую. Я вкачу тебе выговор.

– Значит, будет выговор. Это меня не остановит.

– А что тебя остановит?

– Ничего. Теперь уже ничего.

– Тогда я поставлю вопрос о твоем соответствии должности.

– Но почему? Разве я плохо работаю? Не справляюсь? Я столько раз задерживалась здесь до глубокой ночи.

– Не строй из себя героиню. Мы все много работаем.

– Да, но… – Она замялась, прежде чем обратиться к тому человеку, которого целый год считала своим другом. – Ты в курсе моей ситуации. Разве у меня не может быть личной жизни?

– Разумеется, может, но не в ущерб работе.

– Ты ревнуешь? – вдруг поняла она и разозлилась ни на шутку. – Ты просто ревнуешь и злишься из-за этого? Из-за того, что я могу стать хоть чуть-чуть счастливее не с тобой?

– Меня это не касается! – Он сделал вид, что не заметил ссылку на его заинтересованность. – Личная жизнь сотрудников – их дело. Но повторю еще раз: не в ущерб работе.

– Это мой обеденный перерыв, и я имею право…

– Я тебя предупредил.

– Ты… Ты просто солдафон!

– Раньше ты так не думала.

– Раньше ты не был таким.

– И ты не была такой.

Разговор все больше походил на семейную сцену, и Соню передернуло от отвращения.

– Да, ты прав. Ты еще не все знаешь.

– И что же мне предстоит узнать?

– Что с обеда я здесь больше не работаю.

Она поднялась и пошла к дверям, твердо припечатывая тонкими, как иглы, каблуками потрепанный ковролин.

– По законодательству у меня есть право… – начал он и осекся.

Она обернулась и вернулась к столу, оперлась о него обеими руками, наклонилась так, что он увидел белоснежные кружева бюстгальтера в вырезе ее блузки и непроизвольно сглотнул слюну, как голодный при виде накрытого стола. Ее потемневшие глаза были двумя ледяными лунками, в которых плескалась ярость.

– По законодательству? Я плевать хотела на ваше законодательство. Посмотри внимательно, ты давно меня знаешь. Я принимала ухаживания начальника, я сплю с собственным братом, я не нуждаюсь в зарплате и помощи. Я могу жить так, как мне нравится. И мне плевать на государство, а государству плевать на меня, пока моя семья платит налоги. Может, ты собираешься напугать меня записью в трудовой книжке? Так я ведь могу выбросить ее в мусорное ведро и не работать больше никогда. И при этом за всю жизнь не потрачу свой

счет в одном только Дойче Банке. Ну, так какое из своих начальственных прав ты собираешься реализовать?

– Вот как ты заговорила!

Он хотел откинуться в кресле и хоть чуть-чуть подумать, но она словно пригвоздила его к месту, и он не мог оторвать глаз от ее груди, одновременно представляя себе, какой соблазнительный вид открывается с другой стороны стола.

– Вот так я заговорила. И что дальше?

– Не знаю, что дальше. Но, думаю, что у тебя просто весеннее обострение. Ты не уволишься.

– Если ты пытаешься таким сомнительным способом воззвать к моей совести, то напрасно тратишь ораторский дар.

– Полагаю, твой новый друг не видел тебя такую.

– А ты знаешь какая я?

– Ослепительная! – вздохнул он и поднял глаза к ее злому лицу. – Возбуждающая! Просто вулкан эмоций! Он сможет оценить тебя по достоинству?

– Не твое дело.

– Как далеко ты позволила ему зайти?

– И это не твое дело.

– Еще бы! У тебя ведь только исключительные любовники, другим места нет. Ты не боишься, что они между собой не поладят?

– Почему я должна бояться? – с вызовом спросила она, но он заметил, что ее голос на миг дрогнул. – Они никогда не встретятся.

– А если твой брат узнает?

– Ты пытаешься шантажировать меня?

– Помилуй, Соня. Кто угодно, только не я. Я просто беспокоюсь за тебя.

– Не стоит, – бросила Соня и, выпрямившись, оправила блузку. – Я смогу за себя постоять. Извини, у меня мало времени. Надо писать письмо…

– Можешь написать его после обеда.

– Это значит, можно повременить с заявлением об уходе?

– Я тебя не отпускаю. Ты – мой лучший работник.

– Может и не лучший, но временами полезный, – без выражения сказала она и закрыла стеклянную дверь.

– Не просто полезный, – пробормотал он себе под нос. – Незаменимый.

Они подошли к скамейке, на которой встретились в прошлый раз, одновременно. В руке у Арсения был маленький букет из белых, желтых и синих крокусов. Кремовый плащ с багряной подкладкой болтался на сгибе локтя.

– Вы пришли, – расцвел улыбкой мужчина и со старомодным изяществом склонился над протянутой рукой. – Я счастлив!

Она залилась румянцем и с осторожной нежностью посмотрела на его каштановую шевелюру.

– У нас такой аврал. Шеф не хотел отпускать меня на обед.

– И все же вы вырвались.

– И чуть не уволилась.

– Из-за меня?

– Из-за вас, – без кокетства подтвердила она и потупилась. – С моей стороны было глупо затевать ссору. Но я не знала, как сообщить вам, что я могу задержаться.

– Нужно было оставить вам мой номер.

– Похоже, что так.

Они обедали в кафе с видом на бульвар, и Арсений поминутно прикасался к ее руке, будто хотел убедиться в действительном присутствии женщины.

Они говорили о погоде, о весне, о предстоящем отпуске. Обо всем и ни о чем конкретно. Сорок минут пролетели, как одна.

– Мне пора. – Соня потянула к себе руку, находящуюся у него в плену, к себе. – Спасибо за чудесный обед.

– Завтра здесь же? – спросил он. – У них неплохой повар.

– Да-да, завтра, – закивала она и полезла за кошельком.

– Соня, я знаю, что вы в состоянии оплатить наш обед и даже провести благотворительный прием для всех нищих на бульваре, но здесь вы со мной. И мне обидно такое отношение.

– Простите, я по привычке. – Она смутилась и торопливо закрыла сумки. – На работе мы платим каждый за себя.

– Так значит, завтра?

– Ох, нет, – вспомнила она. – Ведь завтра суббота. Может быть, в понедельник?

– Вы хотите оставить меня тосковать целых два дня?

Они стояли на улице возле ее машины, и она нервничала и смотрела на часы.

– Арсений, я опаздываю.

– Где мы увидимся завтра?

– Не торопите события, прошу вас. У меня есть семейные обязанности. Но я с удовольствием пообедаю с вами на следующей неделе.

– Но хотя бы позвольте вам позвонить.

– Арсений, мне пора!

– Только позвонить!

– Хорошо, позвоните.

Александр Васильевич ревниво наблюдал за ее возвращением. Она поставила цветы в кружку с водой, посмотрелась в темный монитор, как в зеркало, тронула «мышь» и задумалась, подперев щеку рукой.

Она хотела встретиться с ним и завтра, и в воскресенье, но поощрять мужчину к формированию событий было рискованно. Если он заинтересован в ней, он дождется понедельника. И тем приятнее будет встреча после вынужденной разлуки в два длинных выходных дня.

Телефон вывел ее из оцепенения, и она рассеянно ответила на звонок. Это был Левушка, который пытался напомнить ей о завтрашней встрече. Соня закрыла лицо рукой и покачала головой. Как она могла забыть о его дне рождения! Надо

наряжаться, покупать подарок и ехать на встречу с семьей. И все это именно теперь, когда у нее нет никаких моральных сил встречаться с братом.

Провести день рождения сына Роза невестке не доверила, хоть и завуалировала свое недоверие правильными и жалостливыми причитаниями, что бедная Лиза, отказавшаяся от мамок и нянек, едва справляется с малышом. Соню ждал очередной семейный обед в кругу родственников, которых она не видела с первого дня нового года. Левушка мурлыкал в трубку, как соскучился, как сочувствует ей из-за болезни Николая и даже в приступе сентиментальности вспомнил, как проходили когда-то его дни рождения. Соня слушала Левушкину речь, втискивая свои «угу» и «конечно» между его восторженными фразами и, еще раз уточнив время встречи, попрощалась с братом.

Александр Васильевич еле дождался окончания этого разговора и поманил ее рукой из-за стеклянной перегородки. Она вздохнула, поправила волосы и отправилась в кабинет начальства выслушивать новый выговор.

Глава 3. В поисках себя

На лужайке перед домом в бессчетном количестве расцвели тюльпаны. Два разноцветных банта, которые няня Фира любовно завязала у Беллы на макушке, мгновенно потерялись среди цветов. Достать из клумбы ошалевшую от красоты и запахов малышку не представлялось возможным. Почти сразу к ней присоединился вертлявый йоркширский терьер, купленный Розой несколько месяцев назад, челка которого была поднята вверх и завязана маленьким синим бантиком.

– Детка, пойдем в дом, бабушка ждет! – без всякой надежды упрашивала Соня, пытаясь извлечь дочь из середины клумбы.

– Нет! – твердо возразила девочка и поднялась во весь рост, возвысившись над цветами. – Не хочу.

– И дедушка обрадуется. Пойдем.

– Я потом, – пообещала Белла и опустилась на корточки.

– Малыш, ты испачкаешься, – вздохнула Соня, зная, что упрямство дочери ей не перебороть. – Кто будет стирать твое платье?

– Я постираю, – донеслось из-за цветочного укрытия.

– Ах, ты сама…

Соня всячески откладывала свое вступление под крышу родительского дома. Ей куда больше, чем Белле, хотелось остаться на лужайке и не встречаться с Ильей. Но наверху

лестницы выросла долговязая фигура Левушки, и отступать было уже некуда.

– Сонька, ты приехала! – Он сбежал по ступенькам и обнял сестру, заключил ее щеки в ладони и нежно расцеловал. – Как же я соскучился! А где Белка?

– Я здесь! – выкрикнул самый большой цветок на клумбе и помахал дяде грязной ладошкой.

– Что ты там делаешь, проказница?

– Цветочки сажаю.

– И не придешь обнять меня?

– Потом. Я занята. Не мешай.

Охранник любезно вызвался присмотреть за Беллой и йорком, на пару раскапывающими хозяйскую клумбу.

– Тебе повезло, – сказала Соня, поднимаясь с братом под руку в дом. – Если бы она тебя обняла, пришлось бы менять костюм. Я смотрю, ты предпочитаешь белое, как невеста.

– Хочу казаться моложе и чище, чем есть на самом деле, – усмехнулся он, и ей показалось, что в его тоне зазвучали горькие нотки.

– Куда же еще моложе? – по привычке парировала она и устремила на Левушку испытующий взгляд. – У тебя проблемы?

– Так, небольшие неурядицы, – отмахнулся Левушка и снова обнял ее за плечи. – Хорошо, что ты здесь! Как Николай?

– Не очень… Стал раздражительный и капризный, как

старая дева. Но физически крепнет прямо на глазах.

– Я слышал, ты отказалась от ночной сиделки? Не рано?

– Все в порядке. Иногда, конечно, он требует меня к себе…

– И ты дежуришь всю ночь?

– Пока он не заснет.

– Бедная моя…

– Все уже в сборе? – Она хотела поскорее уйти от неприятной темы. – Марина приехала?

– Ты же знаешь, она приезжает позже всех.

– Хочет эффектно войти в зал.

– Да уж, обычно это эффект разорвавшейся бомбы. Интересно, кого она привезет в этот раз. Ты слыхала, что с социалистом покончено?

– Дождались! Значит, Илья успокоился?

– Ну, если это называется успокоился… Во всяком случае, разговоры о финансировании коммунистического движения во Франции, кажется, уже позади. Кстати, мама с Лизой на кухне обсуждают меня, так что туда лучше не соваться, если не собираешься сплетничать и ругать меня на чем свет стоит.

– Ты не угодил им обеим? Как это тебе удалось настроить против себя двух любящих женщин?

– О, это долгая история. Как-нибудь я расскажу. А пока побегу принимать поздравительные звонки. А ты застанешь папу, как всегда, в кабинете.

– Не сомневаюсь. Где же ему еще быть!

Она постучала, но вместо ответа услышала телефонный разговор и, помедлив, все-таки решила войти. Илья сидел вполоборота к двери и интенсивно возражал невидимому собеседнику.

– Нет. Нет. Нет, я сказал! Даже не думай. Исключено. На это я не пойду. Нет. Меня это не интересует. Есть еще вопросы?

Но увидев в дверях Соню, перестал интересоваться продолжением беседы и опустил трубку на стол.

– Решила почтить нас своим присутствием?

– Извини, что помешала. Я зашла поздороваться.

– Проходи, коли зашла.

Он, не вставая, повел рукой в сторону кресла, и она направилась на привычное место.

– Как ты? – спросила Соня и разгладила юбку на коленях.

– Лучше всех.

– Мы давно не разговаривали.

– Это упрек? Снова виноват я?

– Никто не виноват, дорогой. Такая у нас с тобой жизнь, и мне жаль…

Илья пропустил мимо ушей ее сожаление, посчитав его неискренним, и, нахмурившись, без слов воззрился на сестру.

– И чем тебе не угодила жизнь?

– Да нет, все хорошо, – сказала она чуть истерично и поерзала в кресле. – Коля поправляется.

– Прекрасно.

– Левушка сказал, что у Марины закончился французский период. Тебе стало полегче?

– Один закончился, другой начнется, – уклончиво ответил строгий отец.

– С ней опять проблемы?

– Может, поговорим о погоде?

– О погоде? – Она растерялась, удивленно подняла бровь и встретила его раздраженный взгляд. – Ты не хочешь разговаривать, да? Извини, что я помешала. Увидимся за столом.

– Тебе больше нечего сказать мне, кроме этой чепухи?

– А чего ты ждешь?

– Ну, хотя бы формальных слов, что ты соскучилась. Или тебе плевать?

– Конечно, соскучилась, – повторила за ним она и мысленно отступила, покидая зону противостояния. – Я пойду.

– Я постоянно думал о тебе, каждый день.

Он не позволил ей уйти, вынудил вернуться в кресло, стиснуть руки на коленях и опустить виноватые глаза.

– Мне жаль.

– Жаль, что я думал? Это изощренный способ издеваться?

– Что все у нас выходит не как у всех.

– Мне нет дела до всех, – сурово отрезал он.

– Да, мы так редко видимся, – невпопад вздохнула Соня

и подумала о другом, с кем она зачастила встречаться в последнее время.

– Не только по моей вине, правда?

– Конечно, милый, – поспешила уверить его женщина, и он тут же уловил в ее тоне фальшь и напрягся. – Со мной у тебя так много проблем…

– Что-то я тебя не понимаю. Что ты скрываешь?

– Боже упаси, Илюша, я просто ужасно устала. От этого у меня, наверное, портится характер. Я стала раздражительная и злая и иногда сама себя не понимаю.

Она нервничала, переплетала пальцы на коленях, трогала бриллиант в обручальном кольце.

– Это потому что ты занимаешься тем, что тебе в жизни не надо. – К частью, он отнес ее нервное напряжение на счет обычной для них конфликтной темы. – И не смей со мной снова спорить! Ты не привыкла к такой жизни.

– Так и есть. Ты прав, как всегда. – Она покладисто кивнула и обвела тоскующим взглядом комнату. – Но у меня на руках ребенок, больной муж и четыреста пятьдесят сотрудников. И все от меня чего-то хотят.

– И в первую очередь я.

– А у меня часто не хватает на все сил.

– Я не достоин стать четыреста пятьдесят третьим?

– Ты никогда не будешь даже вторым, потому что ты первый и единственный.

– Интересно ты рассуждаешь! Мое место в своей жизни

определила, расставила приоритеты. И так все гладко у тебя выходит…

– Ах, совсем не гладко, Илюша. Ужасно коряво.

– Мне твои театральные постановки, Софья, давно поперек горла. Я сам решаю, под каким номером буду жить.

– Конечно, я ничего не навязываю. – Она сразу пошла на попятный, будто он был безмозглый мальчишка, который ничего не видит и которого можно убедить в чем угодно. – Выбор всегда за тобой.

Он, чувствуя, как давление пара внутри стремительно нарастает, взял себя в руки, все еще надеясь поймать ее убегающий взгляд. Орать не хотелось, не хотелось привлекать внимание близких и прислуги, которые то и дело проходили мимо кабинета. Поэтому он еще понизил голос, заставив сестру похолодеть перед приближением неизбежного шторма.

– Тебя постоянно бросает то в одну сторону, то в другую. То ты любишь меня без всякой меры, то смотришь волком и отталкиваешь. И что мне прикажешь делать?

– Я не знаю, братец…

– Ах, даже так! Новое амплуа в репертуаре! Видимо, сейчас ты извинишься, как хорошая девочка, и попросишься выйти из класса?

– Мне не за что извиняться.

Надменность и раздражение, промелькнувшие в ее словах, сразу расставили все по своим места. Это заявление

было равносильно отказу и больше походило на вызов, чем на смирение кроткой овечки, роль которой она играла все это время, пока он, удерживая ее взглядом в кресле, вел допрос. Они поднялись одновременно, не спуская друг с друга настороженных глаз, но возле двери он оказался быстрее, чем она.

– Ты решила, что пора расстаться со мной?

– Может, и стоит, – уклончиво заявила она и чуть отступила, сохраняя дистанцию. – Но я все еще люблю тебя.

– Ну что же! – Он не поверил ни секунды в это холодное и равнодушное «люблю», но она была в его власти, и только от него зависело, как будут развиваться события. – Тогда поцелуй меня, если любишь.

– Конечно, – будничным голосом согласилась Соня и вернулась в зону досягаемости, приподнялась на цыпочки и, не обняв, не прижавшись, изобразила покорность.

И поцеловала прохладными равнодушными губами, как целуют давнего любовника, страсть к которому уже остыла. Поцелуй-прощание, воспоминание без сожалений, нежность без надежды.

– Но если ты еще любишь меня, – тихо повторил он, ощущая холод предательства на ее губах, которого еще не осознал, но которое вторгалось между ними, и удержал за талию, когда она подалась назад, – если я люблю тебя…

– Похоже, Марина приехала, – солгала Соня и привычным жестом пригладила его висок. – Пойдем в гостиную, милый.

Он разжал руки и потерял волю перед ее ничего не обещающей нежностью, заменившую привычную и каждый раз новую страсть их объятий, и она осталась стоять возле двери, прислушиваясь к звукам в доме.

– Ничего не закончилось, – ненавидящим голосом сообщил Илья и вернулся к столу, спрятав руки в карманы брюк. – И ничего не закончится, слышишь, Соня. Ты это знаешь так же хорошо, как и я. Возможно, тебе еще нужно время, чтобы осознать, что от меня тебе не уйти. Только…

Она склонила голову набок и вперилась в него блестящими глазами, как будто пыталась спровоцировать замершие в горле слова. Он медлил, прежде чем произнести то, что занимало его мысли все чаще. Его империя становилась сильнее день ото дня. Он распространил свою власть там, куда раньше и не думал идти. Его счета в зарубежных банках неуклонно росли, как упорная городская трава сквозь трещины в асфальте, и только одно не давало ему покоя. Сжигало его изнутри, заставляло просыпаться посреди ночи и лежать без сна. Только одно могло нарушить его планы и смести с лица земли взметнувшиеся ввысь небоскребы его амбиций.

Время. Он чувствовал его воздействие, когда смотрел на груду таблеток в разноцветных упаковках в изголовье кровати, когда вспоминал беспомощного Николая, распростертого на ковре, когда качал на руках своего первого внука – Левушкиного сына. Когда воротничок рубашки под галсту-

ком туго стягивал шею и прямо на важных переговорах ему внезапно переставало хватать воздуха. Когда думал о Соне, и порыв страсти больше не хотелось гасить в объятиях продажных девиц. А она была слишком молода для того, чтобы понять его страхи и торопливое, жадное, стихийное желание жить.

– Только у меня этого времени все меньше, – сдержанно закончил он и повелительным жестом выпроводил ее из кабинета.

Она вышла, как сомнамбула, и остановилась посреди коридора. Он никогда не был так уязвим, как сейчас. И никогда не был на такой чудовищной, головокружительной высоте. Об этом кричала пресса, на это злились конкуренты и делали ставку партнеры. И только ее до смерти пугала эта высота, потому что на самом деле он был беспомощен перед своими кошмарами, как запертый в заброшенном доме ребенок. Он нуждался в ней, несмотря на всех частных детективов, содержанок, телохранителей и тайные сделки, которые лишь внешне укрепляли этого колосса. Кому, как ни ей, следовало поддержать его и проявить о нем заботу? А она малодушно хотела не ждать журавля, который уносил ее фантазии в неведомые дали, а получить в руки незатейливую, реальную, теплую синицу. Она устала ждать и хотела сиюминутного счастья без борьбы, которое виделось ей в новом свидании с зеленоглазым поклонником на цветущем бульваре. И ничего не почувствовала, когда целовала Илью. Или

почти ничего.

Соня вздохнула, ощущая вину перед братом, и направилась в синюю гостиную, откуда слышались голоса Марины и Розы. В тот же миг в кабинете раздались торопливые шаги, и Илья окликнул ее по имени, но она уже открыла двери в зал и на его возглас не обернулась.

Обед в понедельник состоялся в назначенный час, хотя косой дождь без пощады хлестал по упругим куполам зонтов, и Соня насквозь вымокла, пока добежала из машины до знакомой скамейки. Арсений снова обменял букетик цветов на ее руку, которой то и дело норовил завладеть во время обеда. На этот раз разговор шел о старых отечественных фильмах, почему-то давно забытых телевидением даже на канале «Культура».

Во вторник снова шел дождь, а они разговаривали о животных. В среду – о детях и о разгулявшейся погоде. В четверг светило солнце, и они вспоминали школу, вернее школы, которые обоим пришлось несколько раз поменять в связи с семейными обстоятельствами. В пятницу погода снова испортилась, а вместе с ней барометр настроения тоже поменял показания. Первые полчаса разговор никак не клеился, потому что Арсений думал о том, что надо настоять на встрече в выходные и опасался, что она откажется, а Соня с замиранием сердца ждала этого предложения и отчаянно боялась ответить согласием.

– Завтра снова обещали дождь, – начал он и сплел свои пальцы с ее. – Когда же это кончится? Правда, мы могли бы сходить куда-нибудь на выставку.

– Завтра снова дождь? – удивилась она и опустила глаза на скатерть. – Жалко. Так хочется солнышка.

– У вас планы на выходные?

– Да, планы…

– Значит, мы не увидимся? – Он настойчиво и мягко гнул свою линию. – А может быть, все-таки?..

– Нет. Не получится.

Она почувствовала облегчение, произнеся слова отказа. Он сжал ее пальцы и с укором покачал головой. За окном порыв ветра резко бросил тяжелую пригоршню воды в стекло, и Соня невольно подалась в сторону от задрожавшего окна.

– Испугалась? – вдруг перейдя на «ты», спросил он.

– Нет, конечно, это же просто дождь! – заметив его новое обращение, вспыхнула она. – Много воды с неба, вот и все. Надеюсь, это не великий потоп.

– Ты боишься меня, – заключил он и опять потянул ее руку к себе. – Я не представляю угрозы для тебя.

– Я не боюсь! – Она намеренно громко произнесла эти слова и выпрямилась на стуле. – Просто не могу в выходные.

– Ты не могла в прошлые выходные, – с кошачьей вкрадчивостью напомнил он.

– Я ездила к брату на день рождения.

– У него был день рождения? Поздравляю!

Он слегка ослабил хватку, но она не стала убирать руку.

– Не к этому брату, к другому, – пояснила Соня, чувствуя, что он напрягся. – То есть, он мне не совсем брат. Но это сложно. У меня много родственников.

– А у меня нет ни братьев, ни сестер, и родителей нет. Так что мне проще, и со мной проще.

– Прискорбно, что ты один.

– Прискорбно только то, что ты не хочешь со мной встречаться.

– Я хочу, Арсений, и встречаюсь. Но, поймите меня правильно…

– Ты даже не хочешь сказать мне «ты».

– Мне кажется, что это преждевременно.

– Ты смотрела мне в глаза две недели. Разве я опасен?

– Нет. Конечно, нет. При чем тут опасность? – Она потерялась, оправдываясь и подыскивая слова, чтобы не выдать своих чувств. – Просто я не свободна, и у меня есть дочь, которой надо уделять внимание.

– Муж, который тяжело болен, – продолжил за нее Арсений и отпустил ее пальцы, словно разочаровался в этом прикосновении. – Стая родственников. Брат, без которого сложно обходиться по выходным.

– Я ничего не говорила о брате, – тут же насторожилась она. – При чем здесь он?

– Когда я увидел вас вместе в Питере, то поначалу даже подумал…

– Ты ошибся, – вспыхнув от испуга быть разоблаченной, возразила Соня. – Илья мой старший брат.

– Было заметно, что ты исключительно дорожишь семейными отношениями.

– Можем сходить в субботу в Пушкинский музей. Я сто лет там не была, – не отвечая на его реплику, поспешила перевести разговор она.

– А как же твои обязательства перед родными? – уточнил довольный Арсений.

– Ничего, – беспечно отмахнулась Соня, приняв решение, и небрежным жестом заправила прядь за ухо. – Я выкрою часок-другой на культурную жизнь после обеда. – Она задумалась, что-то подсчитывая в уме. – Например, в четыре. Возле входа?

– Ты, правда, придешь?

Он потянулся к ее руке, все еще лежащей на скатерти.

– Разве я тебя хоть раз обманула?

– Нет, но вдруг это случится в первый раз завтра?

– Не случится. – Она замерла, чувствуя, как его теплые пальцы ласкают запястье над ремешком часов. – Я хочу прийти. А сейчас я уже опаздываю. Так до завтра?

И не дожидаясь, пока он расплатится, выбежала под проливной дождь.

Соня и Наталья Михайловна встречались примерно раз в две недели, если Белла и Никита были здоровы и помощь

педиатра детям не требовалась. Малыши болели не часто, поэтому две встречи в месяц подруги планировали заранее, вписывая их в свои деловые и личные графики. Но на этот раз встреча была назначена раньше положенного срока, и ее инициатором стала Соня.

Они сидели в маленьком ресторане с хорошим названием «Мама Зоя», где было невероятно накурено и с кухни тянуло жареным мясом и пряностями. Может, это было и не самое изысканное место в городе, но Наташа предпочитала уютные подвальчики, где не слишком бросались в глаза ее натуральные светлые волосы, длинные ноги, голливудская улыбка и шикарный бюст, даже если она прятала его под бесформенными свитерами. Каждый день ей приходилось отражать любовные притязания молодых и пожилых самцов, завороженных ее гордой статью и правильной красотой.

Соня не придавала большого значения своей внешности и на заигрывания случайных мужчин отвечала рассеянным или недоуменным взглядом. И разочарованные ухажеры отступали, чувствуя себя отвергнутыми без слов. Но даже на фоне яркой Сониной внешности, ее блестящих черных волос, задумчивых темно-серых глаз, аккуратного яркого рта, Наташина красота была подобна вспышке сверхновой звезды.

Наталья Михайловна, будучи на десять лет старше своей подруги, была так ослепительна и совершенна, что большей частью тяготилась и своим отражением в любых зеркальных

поверхностях и пристальным вниманием мужчин.

Соня не придавала значения тому, где проводить время – в культовой «Ванили» или в средней руки кафешке за стеклом большой витрины с искусственными пальмами, и потому она соглашалась на самые экзотические предложения Наташи. А Наталья Михайловна предпочитала полумрак, обильный стол и вместительную пепельницу. И тянула ее за собой в полутемные подвалы, вроде этого.

– Хуже некуда, когда начальник кобель, – заявила Наташа, продолжая начатый еще в машине разговор. – Я их столько перевидала на своем веку, что могу вслепую сортировать и по полочкам раскладывать. Если твой из таких, то я тебе не завидую.

– Нет, мой – из романтически настроенных. Жалко только, что он не хочет понять, что я уже несколько пообтерлась со времен своего книжного детства. Он как-то начал мне читать Блока. На полном серьезе. Представляешь? Я, к своему стыду, подумала, что меня стошнит.

– Почему? – лукаво заулыбалась Наташа. – Было бы хуже, если бы начал петь. «Тихо в лесу…»

– Надеюсь, до этого не дойдет. Служебный роман не получился. И из Блока мы с ним оба сто лет как выросли.

– А что он читал, если не секрет? Стихи о Прекрасной Даме или что-нибудь приземленнее?

– «Незнакомку», конечно. Вообще-то я к Блоку лояльно отношусь…

– Да, местами он хорош. Но когда взрослый человек на полном серьезе… Это напрягает, – согласилась Наташа. – А может, тебе работу сменить?

– Брат звал меня в свой бизнес, но я не хочу. Достаточно, что там теперь Левушка впрягся. И у Марины выбора не будет, все равно придет к нему.

– А ты не поддерживаешь идею семейственности?

– Еще как поддерживаю. Это здорово, что все могут трудиться на общее благо. Но знаешь, если вдруг я не потяну… У нас в доме было не принято не оправдывать доверия. Если Илья сказал, что ты сможешь, – надо умереть, но смочь.

– Тебе можно только позавидовать, – вздохнула Наташа и закурила следующую сигарету. – У меня даже таких возможностей в жизни не было.

– А что твоя семья?

Только тут Соня вспомнила, что никогда не говорила с Наташей о жизни до их встречи. Они, конечно, вспоминали давнее знакомство с Николаем, и Соня знала историю Наташиных отношений с ее нынешнем мужем. Но ни о каких братьях, сестрах и родителях, речь никогда не заходила.

– Моя семья? – с горечью усмехнулась подруга и выпустила длинную светлую струйку дыма. – У меня никогда ее не было, Соня. Я детдомовская.

– Нет?! – с горячностью воскликнула та и смутилась, поймав удивленный взгляд из-за соседнего стола. – Ты?

– Да, представь себе. Никто не знает, даже Коля. Только

Виктор, но это отдельная песня.

– Я никому не скажу, – заверила изумленная Соня. – Но я поверить не могу…

– Придется! – зло отчеканила Наташа и раздавила в пепельнице окурок. – Меня мамаша сдала в Дом ребенка, когда мне было что-то около года. Принесла и сказала, что больной ребенок ей не нужен, и она отказывается от своих родительских прав. Сука!

– Даже не представляю, – искренне расстроилась Соня и потерла переносицу. – Как это невозможно?

– Для таких, как она, все возможно.

И следующей фразой она высказала все, что думает о своей биологической матери и ей подобных. Соня, встречающая народ в супермаркетах, бутиках и в офисе, была поражена витиеватостью фразы, которую легко и непринужденно раскрутила Наташа, как будто всю жизнь провела среди грузчиков где-нибудь в южном порту. Соня, как завороженная, выслушала эту тираду и несколько секунд сидела в шоке, пытаясь осознать произнесенное. Потом стряхнула оцепенение и покачала головой.

– Подожди, ты сказала, что речь идет о больном ребенке. Но ты-то здоровая.

– Да, слава богу, не жалуюсь. А тогда мне ставили церебральный паралич. – Сонин подбородок от изумления съехал с подпирающей его ладони, и она помотала головой, не сводя с подруги расширенных глаз. – Но диагноз не под-

твердился, а мамаша поторопилась от меня избавиться. И даже ни разу не поинтересовалась, что стало с несчастной малюткой.

– Наташенька…

– Пару раз меня пытались усыновлять. Один раз мне было пять, другой – восемь. В пять лет я писалась в постель и с криком просыпалась от ночных кошмаров. Новые родители выдержали полгода и вернули меня по месту прежней прописки. В восемь нашлись другие благодетели. Но я курила и ругалась, убегала из дома, дралась в школе и прогуливала уроки. И следующая пара добрых родителей не выдержала. Трех месяцев им хватило за глаза. В результате за мной закрепилась дурная репутация трудного ребенка, и школу я окончила в интернате. Ну, а потом ты знаешь. Институт, ординатура, карьера, любовники. И, наконец, Виктор. Я всем врала, что мой папа был военным летчиком-испытателем. Знаешь, как это раньше было важно, чтобы отец был обязательно герой. Поэтому все знали, что мой папа разбился во время испытаний сверхсекретного истребителя и ему посмертно присвоили звание полковника и дали медаль. А мама умерла, потому что не смогла без него. И дом наш в поселке сгорел, потому что бабка не уследила за печкой. А потом и бабка умерла. Так что ни фотографий, ни семейных реликвий не осталось. Вот так все просто объяснялось. И весь этот красивый мексиканский сериал я выложила Виктору при знакомстве. Мол, мне тоже есть, чем гор-

диться. Вот только жаль, что от отца с матерью ни фотографии, ни колечка. А сразу же после того, как я дала согласие на наш брак, Витя спросил меня, зачем я насочиняла кучу вранья. Оказалось, что он хотел сделать мне приятное. Позвонил в Высшее военно-лётное училище в Борисоглебске, где по моим рассказам, учился отец, и просил их прислать хоть какие-то документы, касающиеся отца. Фотографию выпуска, выписки из личного дела. Для дочери героя. И узнал, что нет никакого героя. И, соответственно, дочери нет. А есть детдомовская девчонка, которая придумала себе жизнь, чтобы не быть сиротой до конца своих дней. Тогда мы чуть не разругались в пух и прах. Вернее, он молчал, а я орала на него, чтобы не смел вынюхивать, чтобы не лез в мою жизнь со своим медвежьим сочувствием. Ушла, хлопнув дверью и отменила свадьбу. А он пришел за неделю до назначенного дня, принес мне кольцо и сказал, что женится на мне, даже если я окажусь инопланетянкой или киборгом. Но я все равно никому не рассказывала, что выросла в детдоме. За двадцать лет легенда с героическим отцом уже и мне кажется вполне правдоподобной.

– Какой у тебя муж! – с нескрываемым восхищением сказала Соня и промокнула салфеткой навернувшиеся на глаза слезы. – Настоящий.

– Настоящий полковник, – гордо подтвердила Наташа. – Их в разведке и не таким фокусам учат.

– При чем здесь разведка? Кто-то может быть благород-

ным и сильным, а кому-то не дано. Ему дано. Я рада, что тебе достался именно такой мужчина.

– Еще бы, он мне и за отца, и за мать, и за мужа. Един в трех лицах.

– Вот и Илья… – вспомнила Соня и неожиданно покраснела. – Тоже мне за отца и за брата.

– Ну, хоть не за мужа, – усмехнулась Наташа и опять закурила.

– Ну… нет, – занервничала Соня и с неодобрением посмотрела на ее сигарету. – Я, конечно, не считаю и замечаний тебе делать не хочу… Но пепельница уже полная.

– Да, они редко выносят, – согласилась, как ни в чем не бывало, Наташа и подозвала официанта. – Принесите новую. Так о чем ты хотела поговорить?

– Кажется, у меня появился поклонник, – сказала Соня и принялась складывать из бумажной салфетки самолетик, не глядя на подругу. – И я понятия не имею, что мне с этим делать.

– А какие рассматриваются варианты? – уточнила практичная Наташа. – Или тебя беспокоит супружеская верность?

– У меня никогда не было настоящих поклонников, – вздохнула она, словно признавалась невесть в каком грехе. – Если не брать в расчет поцелуй с мальчиком на выпускном вечере.

– Ты бы еще детский сад вспомнила.

– Я не ходила в детский сад. А что, там тоже бывает… любовь?

– И в доме престарелых бывает, – со знанием предмета ответила Наташа. – Но туда ты тоже, думаю, не попадешь.

– Надеюсь. – До дома престарелых она надеялась не дожить, а Арсений маячил в ближайшем будущем и никак не выходил из головы. – Посоветуй, как мне быть.

– То есть, он тебе нравится, но ты не знаешь, как себя с ним вести?

– В общем, да. Нравится. Он такой, знаешь… блестящий. – Слова никак не подбирались, а вместо трехмерного изображения получалась плоская серая картинка, отпечатанная на древнем принтере и состоящая из нулей и единиц. – И при этом с ним интересно. Читает, следит за новинками кино, бывает в театрах, слушает классику.

– По описанию он принц, а ты все еще веришь в сказки. В наше время принцам нелегко. Если помнишь, Доди разбился вместе с Дианой.

Наташа видела разных мужчин. Жизнь не обделила ее обожателями всех мастей, о чем она порой даже жалела, но принцев среди них было раз-два и обчелся. Самым настоящим оказался ее собственный муж. Остальные были расписаны, как матрешки, слишком яркими красками, но под ливнем различных неприятностей умудрялись полинять и мгновенно теряли весь свой мнимый шик.

– Ты думаешь, он рисуется? – испугалась Соня. – А зачем?

– Ну, например, потому что хочет тебе понравиться. – Наташе никогда не приходилось выступать в роли наставника в столь щекотливом вопросе. – Или преследует выгоду. Или самовлюбленный индюк. Мотивов множество, результат один – подделка.

– А если окажется, что он настоящий. Что делать тогда?

– Ты меня спрашиваешь?

– Если ты не знаешь, то никто не знает.

– Когда мне такой попался, я вышла замуж.

– Но я не могу замуж, – заскулила Соня, понимая, что при ее полном отсутствии практического опыта общения с поклонником такой ответ ничего не проясняет.

– Почему нет? Разведись и повтори попытку. Может, во второй раз получится лучше.

– Нет, Наташа, мы не обсуждаем замужество.

– Дело твое. Я считаю, что несчастная та женщина, которая трижды не сходила замуж. Но у тебя еще все впереди.

– Но ты же первый раз замужем.

– Официально – да. Но с одним козлом я прожила три года в гражданском браке, с другим – почти два. Думала, что третьим станет Николай, но он так и не сделал мне предложения. К счастью.

– Может, ты бы ему жизнь спасла, – понурилась Соня и снова взялась за салфетку. – И он был бы счастлив с тобой.

– Это ты у нас сторонница благотворительных миссий. А я не могу вечно плакать над больным котенком, я предпочи-

таю жить для себя.

– Я бы тоже хотела для себя, – вздохнула Соня и, взглянув на подругу, тут же уточнила: – Но замуж я все равно не могу. Не из-за Коли. Мне брат не позволит.

– А послать этого брата?

От Наташиной прямоты у Сони между лопаток забегали мурашки и нехорошо застучало в висках. Ведь ей еще даже не известно, что за человек Арсений, а она уже обсуждает с опытной подругой, как строить с ним отношения. И готова, как мартовская кошка, бежать за эффектным котом, забыв, что дома ее ждет лев. Ну, пусть не ждет, не сидит, как привязанный, пусть он занят, но он пообещал, он взял на себя ответственность за них обоих. Да только стоило ему отвернуться, как весна бессовестно и внезапно вторглась в Сонину жизнь. Но это было место Ильи, и любому другому оно было не по размеру. Соня знала это, однако с упрямством влюбленной гимназистки пыталась приладить Арсения к своей жизни и своим мечтам о легких отношениях с красивым незнакомцем с непослушной каштановой челкой над высоким лбом. Пока приладить не получалось. После последней встречи совесть то и дело жестокими уколами напоминала ей, что Илья ждет ее звонка. Он не заслужил быть обманутым и не предполагал ее предательства. Мучимая сомнениями, Соня в тоске просыпалась по утрам с мыслью о разговоре с ним, весь день оттягивала момент, когда надо поднять трубку, а вечером вздыхала, что снова не посмела нарушить

собственное душевное равновесие. И каждый день она все оттягивала этот звонок, как будто время могло что-то изменить. Почему этой весной у нее никак не получалось быть прежней Соней? И почему она никак не могла принять новую себя и научиться жить в новом мире?

– Я не могу его послать, – твердо ответила она. – И мне нравится быть предметом ухаживания, понимаешь? За мной никто так не ухаживал. Он дарит мне цветы и держит меня за руку.

– Да ты по уши влюблена, девочка моя!

Наташа одарила подругу понимающей улыбкой, которая тут же погасла, как будто невидимая рука прикрутила фитилек, но все равно за соседним столиком заметили, заволновались, стали шептаться и поднимать бокалы, оглядываясь на двух женщин. Она пробормотала что-то не очень внятное, но Соня была уверена, что ее собеседница снова выругалась. Наталья Михайловна вообще не стеснялась в выражениях, хотя Сонино присутствие ее несколько сдерживало.

– Может и влюблена, – неохотно согласилась Соня. – Но пока я в этом разберусь, полжизни пройдет.

– А ты торопишься?

– Мне скоро тридцать, а я еще даже жить не начала.

Это было слабое оправдание, но в тот момент оно казалось ей значительным и существенным. У нее не было еще ни одного серьезного романа, и больше всего на свете ей хотелось узнать, как это – быть откровенно, настойчиво, вос-

торженно любимой.

– Так не теряй времени даром. – Наташа чутко уловила ее настроение и не посчитала нужным прочесть ей лекцию о женской скромности, которая когда-то кого-то украшала. – Пользуйся им, как тебе заблагорассудится. Что-то подсказывает мне, что твой воздыхатель не будет против, если ты затащишь его в постель и позволишь тратить на тебя деньги. Чем больше он вложит в тебя, тем приятнее будет ему. А тебе это даст преимущество во времени и возможность присмотреться к нему и разобраться в себе.

– Как же в постель? Это уж слишком, – покраснев, усомнилась в рекомендации Соня. – Я его почти не знаю.

– А где его узнать, как ни там? Без одежды, на подушке, с сигаретой после хорошего секса они расскажут о себе больше, чем в любом ресторане.

– Но такие отношения уже обязывают…

– Кого и к чему? Тебе тридцать, Соня. Ну, почти тридцать, – поправилась Наташа, но Соня даже не заметила. – У тебя классический женский кризис. Ты ищешь себя. И кто знает, где найдешь. Иной раз женщины находят себя в очень необычных местах. Почему-то мне кажется, что твое призвание – быть рядом с сильным мужчиной. Как и мне, тебе требуется папа на всю оставшуюся жизнь. Так позволь кому-то беспокоиться о тебе, заботиться, холить тебя и лелеять. Если это не он – ты ничего не потеряешь. А если он? Пожалеешь, да будет поздно.

– Но так сразу…

– Пусть будет все, как будет. Не торопись и не затягивай. Ты сама поймешь, когда придет время. Может, завтра, а может – через месяц. И запомни: у нас нет никаких обязательств перед ними. Ни за какие деньги или блага. Если ты его не хочешь – не вздумай расплачиваться собой за приятный вечер или дорогой подарок. Он делает это для себя, и ты делай для себя.

– Но он же все равно будет ждать.

– Вот и пусть ждет. Ты не разменная монета. Для гордости нет места только в настоящей любви, проверенной временем и совместно пережитыми трудностями. Во всех остальных случаях она – наше богатство.

– Какая ты умная, Наташа!.

– А сколько раз я на грабли наступала? Нет, дорогая, это на мне просто шрамы не видны. А мой опыт зарабатывался трудно, уж поверь!

– Так значит, ты советуешь руководствоваться внутренним инстинктом.

– Разными инстинктами: когда самосохранением, а когда – продолжением рода. Надеюсь, на этот раз тебе повезет больше.

Наташа одобрительным жестом похлопала ее по руке и заверила, что все будет хорошо. Но, несмотря на откровенный разговор, Соня не знала, на что ей надеяться. Полноценное свидание, назначенное на следующий день, казалось дале-

ким и нереальным. Совесть напоминала об Илье, который даже не подозревал о появлении соперника. А Наташа, прищурившись, курила и смотрела на нее сквозь клубы дыма испытующим взглядом опытного сержанта, умеющего разглядеть в новобранце задатки будущего генерала.

Глава 4. Утро в зверинце

В субботу они три часа бродили по залам Пушкинского музея. Держались за руки, как старшеклассники, и разговаривали без умолку. Несколько раз она звонко рассмеялась и получила выговор от престарелой смотрительницы египетского зала, которая встрепенулась на своем стуле и решительно направилась к разудалой парочке, чтобы объяснить, что в Храме Искусства, как впрочем, и везде, женщине полагается быть скромной и умеренной в проявлении чувств. Соня вежливо выслушала старушку и извинилась, стараясь высвободить пальцы из игриво настроенной ладони Арсения, на которую то и дело падал суровый взгляд смотрительницы.

– Что ты творишь! – зашептала она, когда они остались одни возле саркофага. – Она нам чуть руки не отпилила взглядом.

– Я боялся, что если отпущу, она заберет тебя в кабинет директора, – шепнул он ей на ухо, и она снова прыснула смехом, спрятав лицо у него на плече.

Соня тянула его к импрессионистам, но он остановился возле розовых французских ангелочков, покрытых складками, как носороги, и долго разглядывал картину с разных ракурсов.

– Тебе нравятся пухлые женоподобные мальчики? – осведомилась она, стиснув его пальцы. – Вот уж не думала.

– Совсем не нравятся. Так же как и мужеподобные девушки. Но посмотри на этот праздник обнаженного тела. Вот уж когда люди не стеснялись своих габаритов.

– Так ты предпочитаешь толстушек, не изнуряющих себя диетами? Так бы сразу и сказал. С завтрашнего дня начну налегать на булочки с маслом.

– Думаешь, ты сможешь достичь моего идеала? – усмехнулся он, скептически осмотрев ее с ног до головы с видом опытного работорговца. – Ну, может, года через полтора-два.

– Я буду стараться!

– Кстати, а какой ты была в детстве? Розовой и пухленькой, как они?

– Да нет, тощей, изможденной и бледной, как поганка.

– Не было у тебя моей мамы. До подросткового возраста у меня были вот такие щеки. – Он показал руками нечто шарообразное возле узкого холеного лица. – И весил я, как начинающая штанга, килограмм восемьдесят.

– Ты шутишь! У тебя такая шикарная фигура. Люди годами зарабатывают их в фитнесс-центрах.

– А тогда у меня была шикарная мама. Она кормила меня на убой, как рождественского гуся, учила играть на контрабасе и сама провожала в школу мимо компании местной шпаны, которая так и поджидала, чтобы оказать дурное влияние на маменькиного сынка, раскормленного до размеров хряка-рекордсмена.

– И что же с тобой случилось потом?

– Ты не догадываешься? Типичный рецепт похудания для подростка пятнадцати лет. Вместо обеда – пачка сигарет, лучше две, вместо контрабаса – карточная колода, вместо школы – чердаки и подворотни, вместо вечернего пирога с мясом или яблоками – порка отцовским ремнем.

– Бедная мама, – вздохнула Соня.

– Я думал, ты пожалеешь меня, – удивился Арсений.

– А чего тебя-то жалеть? Ты ведь похудел и перестал быть всеобщим посмешищем.

– Интересный подход, – усмехнулся он и поцеловал ее ладонь. – Но тебя я взялся бы слегка откормить.

– Ничего, к зиме я поправлюсь, – заверила его Соня. – Вот съезжу в отпуск к морю и стану толстая и красивая, как херувим. Ты же сам от меня и отвернешься.

– Тебе придется очень постараться, чтобы отвратить меня. Хотя, конечно, если поставить такую цель…

– В любом случае, сейчас это не первоочередная задача.

– Успокоила.

Они потратили на импрессионистов больше получаса, а когда положенное время свидания истекло и пришла пора расставаться, он не выпустил ее пальцы.

– Давай поужинаем.

– Увы, мне надо бежать.

– Только не сейчас, Соня. Видишь, и моя рука не разжимается, она срослась с твоей, пустила корни.

– Боюсь, ей придется, – невесело улыбнулась Соня.

– Скорее, тебе теперь придется забрать меня с собой, куда бы ты ни шла.

Арсений все еще пытался шутить, но глаза уже стали серьезными и разочарованными, а пальцы ослабили хватку.

– Я иду домой, – твердо сказала она и вдела руки в рукава плаща. – Ты знаешь.

– И там тебя ждет ребенок и больной муж… – не скрывая разочарования, сам себе напомнил он и тоже оделся, оглянувшись на их отражения в зеркале. – Как всегда.

– Сеня, прошу тебя! – Она легонько подергала его за рукав. – Я тоже не хочу уходить. Но должна.

– Задержись еще ненадолго, – попросил он, чувствуя, что она готова сдаться. – Давай забежим в ирландский паб. Здесь рядом.

– Десять минут в машине, – предложила женщина, готовая к компромиссу. – Это все, чем я располагаю.

– Этого слишком мало.

– Скоро и они истекут. – Она постучала по циферблату часов и взглянула на своего спутника. – Или домой?

– Идем в машину. Только сидеть будем в моей.

Он потянул ее к парковке, не открывая зонта, хотя дождь не прекращался, буквально втолкнул в заднюю дверь и в ту же секунду оказался рядом, повернувшись всем телом и поблескивая белками глаз в полумраке салона за тонированными стеклами. Она испугалась, что он услышит, как колотится ее сердце, и отвернулась к окну.

– Когда же прекратится этот дождь?

– По прогнозу – в середине будущей недели. Ты не любишь дожди?

Он дышал ей в затылок, и она боялась пошевелиться, чтобы случайно не оказаться слишком близко.

– Не знаю. Я люблю воду, как рыба. Но не дождь. Или дождь я тоже люблю…

– Ты не можешь решить, что любишь на самом деле?

– Меня не пускали гулять под дождем в детстве, хотя я очень хотела побегать босиком по траве, по лужам, как это не возбранялось Левушке и даже Марине. Все боялись, что я простужусь. Они были нормальные дети, а я – сплошное недоразумение.

– И с тех пор ты опасаешься, что под дождем с тобой случится что-то плохое? Даже сейчас так думаешь?

– А оно может случиться?

Она спросила это едва слышно и ниже опустила голову, как будто не хотела услышать ответ. Он видел, как поднимаются и опадают ее плечи под мокрым плащом, как подрагивают капли в волосах, слышал настороженное дыхание.

– Нет, – уверил ее мужчина и придвинулся ближе. – Я не допущу плохого. Ты можешь мне верить.

– Я хочу верить, – призрачным шепотом откликнулась она, но Арсений сумел расслышать и развернул ее к себе.

Он снимал губами капли дождя с ее волос, а Соня, закрыв глаза, трепетно отдавалась этим невесомым ласкам, как

прикосновениям влажного ветерка на далеком взморье. Потом его поцелуи тронули ее висок, спустились к опущенным ресницам. Он никуда не торопился, хотя оговоренные десять минут безудержно истекали. Гладил пальцами ее длинную шею с бьющейся жилкой, смотрел в запрокинутое лицо. Наконец, она не выдержала этой сладкой пытки и сама обняла его, прижалась, потянулась ждущими губами. Сорок обморочных минут промелькнули, как один миг. Арсений оказался нежным и страстным, но не шел дальше поцелуев, как в фильмах пятидесятых годов.

– Я не нравлюсь тебе? – спросила она, облизнув горящие губы, и отстранилась. – Ты не хочешь меня?

– Здесь? Разве я могу так обойтись с тобой!

– Тогда увези меня, – прошептала она, дрожа от возбуждения. – Поедем к тебе, в гостиницу, на край света…

– И ты не пожалеешь, что поддалась порыву? Не оттолкнешь меня после?

– Я не знаю, – после мучительного раздумья вздохнула Соня и посмотрела в мокрое окно. – Может, сейчас я и ошибаюсь. Но как узнать, пока не совершишь ошибки?

В его квартире сладко и уютно пахло свежей выпечкой, как во французской кондитерской. Соня принюхалась в темноте прихожей и обернулась к хозяину дома:

– Корица?

– Плюшки, – деловито сообщил он, запутавшись в рукаве

мокрого плаща. – Моя домработница уже много лет по выходным печет плюшки с корицей.

– Фрекен Бок? – фыркнула Соня и тут же испугалась. – Она сейчас здесь?

– Она интеллигентная женщина и уходит не позже шести, чтобы не мешать мне отъедаться на сон грядущий. – Арсений забросил сухой зонтик в подставку под вешалкой. – Снимай скорее плащ, простудишься.

Но вместе с плащом на пол соскользнул и ее коротенький клетчатый жакет, и внезапно Соня оказалась накрепко прижата к стене сильным, стремительным телом.

– Ты хочешь прямо здесь? – хихикнула она, удерживая от посягательств пуговицы на блузке.

– Я хотел еще в Питере, – жарко зашептал он, целуя ее беззащитную шею в том месте, где тонкая цепочка легла между ключиц. – Чего еще ждать?

– И вправду, – согласилась она, позволив его ладони забраться под одежду. – А может, все-таки в спальне?

– Ты сторонница традиционного секса? Спальня – не единственное место для игр.

– Да, есть еще казино, – лукаво засмеялась Соня, пока нетерпеливые руки избавляли ее от блузки.

– Например, стол для покера… – быстро согласился он. – Я привезу тебя в казино, когда все уйдут.

Между поцелуями он рассказывал, что можно делать в пустом казино, а она вздыхала, погружая пальцы в его кашта-

новые волосы, быстро впитавшие запах корицы.

– Еще немного, и я не смогу находить доводы против близости в коридоре, – простонала Соня, когда узкая юбка упала к ее ногам. – Уйдем отсюда, прошу тебя.

Он без лишних слов вскинул ее на плечо, как ковер, принесенный из химчистки, и понес мимо многочисленных открытых дверей в дальние комнаты.

– Большая квартира. – Она успела насчитать шесть дверных проемов, когда он опустил ее на пол в спальне с наглухо зашторенными окнами. – Ты завидный жених, Арсений.

– Пока еще нет. – Он расстегивал рубашку и зазвенел пряжкой на ремне. – Буду, когда разведусь.

– Ты женат?

Она стояла посреди мягкого песочного ковра и с любопытством смотрела на неубранную кровать в стиле одного из помазанных на царство Людовиков, занимавшую половину комнаты. Слева на стене висело зеркало невероятных размеров, задрапированное тяжелой тканью. На других стенах располагались картины с очень несовременными сюжетами, вроде тех ангелочков и полуобнаженных пышнотелых дев, которых они видели два часа назад в музее. Но в полумраке Соня не могла разобрать подробности сюжетов. С потолка свешивалась золоченая люстра. Другой мебели в спальне не было, если не считать двух антикварных кресел, на которых в беспорядке лежала хозяйская одежда.

– Это важно?

Она не заметила, как он оказался у нее за спиной, пока она изучала убранство комнаты.

– Нет. Просто, ты не говорил.

– Ты тоже много мне пока не рассказала. – Он поцеловал ее затылок, пахнущий духами и дождем, и повернул женщину к себе. – Но я не тороплю тебя.

– Важно не то, что было раньше, а то, что есть сейчас.

– Я думал, ты скажешь о будущем. Женщины любят рассуждать на эту тему.

– Зачем говорить о будущем, которое может не наступить. – Она прижалась к нему сама. – Сейчас я хочу быть с тобой в настоящем.

– Разумное желание, – согласился он и отбросил угол одеяло. – При таком единодушии у нас все получится.

– Все получится, – эхом повторила Соня и обернулась на свое отражение.

И бесстрастное зеркало на миг приоткрыло завесу тайны и показала ей будущее: стройную темноволосую женщину на постели, готовую обрести счастье в объятиях зеленоглазого мужчины.

– Хочешь плюшку? – спросил Арсений и повернулся на бок, глядя на Соню.

– Плюшку? – Она потянулась под его изучающим взглядом и закинула руки за голову. – Пить, пожалуй, хочу, а плюшку нет.

– А я хочу, – сказал он и улегся рядом с ней на спину, мучаясь неодолимой ленью. – И пить. И курить. И тебя, но чуть позже.

– Я тоже попала в список жизненных потребностей?

– Этот список начался с тебя и тобой завершается, ты заметила?

– Боюсь, сейчас я плохо соображаю. Кажется, только что на меня наехал трехтонный автомобиль с шестилитровым двигателем, без тормозов и гражданской ответственности.

– Ты предпочитаешь застрахованные малолитражки с талоном техосмотра под стеклом?

– О, нет! Скажу честно, я против самокатов, велосипедов, мотоциклов и роликов.

– Но ты жаловалась…

– Я не жаловалась, Сеня. Я хвасталась.

– Ну, тогда продолжай. Лесть твоя, о женщина, прекрасна, как героическая поэма о взятии Трои.

– Но Троя превратилась в руины, Елена состарилась, а коneборного Гектора погребли, если мне не изменяет память. Мрачная картина разрушений. Не дай бог на сон грядущий. А ты живой. Просто фантастический.

– Хотел бы я возгордиться, но жизнь научила меня осторожности. А с кем ты сравниваешь?

– Даже не спрашивай!

– Ладно, не надо имен. Просто скажи, сколько их было.

– Сколько? Кажется, трое. – Она снова потянулась и на-

шла его руку возле своего бедра. – Точно трое. Три волхва. Три тополя на Плющихе. Три мушкетера. Три карты.

– Три поросенка, – презрительно заметил он, чтобы прервать ее ассоциации. – Так это вместе с мужем или без него?

– Вместе, конечно, – обиделась Соня. – За кого ты меня принимаешь! Лучше скажи, сколько красавиц соблазнил ты? Ты ведешь им счет? Судовой журнал?

– Когда-то вел, но на третьей сотне сбился.

– Ты шутишь! – воскликнула она и повернула к нему изумленное лицо. – Я думала, такое бывает только в кино. Невероятно! Ты ведь не мог их всех любить?

– Нет, конечно, не мог и не любил. Правда, на трех из них я был женат, а с четвертой развожусь через пару недель.

– Кажется, я схожу с ума!

Соня села в кровати, потерла виски и обхватила голову руками, как обручем.

– Я шокировал тебя?

Он оказался рядом и обнял ее прохладные плечи. Она покачала головой, словно никак не могла осмыслить услышанное, и подтянула к себе колени, закрывшись от мужчины, как потревоженная ракушка с морским обитателем внутри.

– Я и подумать не могла. Ты не производишь впечатление…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.